

Сергей Сергеев

Квантовая зависимость

Сергей Сергеев

Квантовая зависимость

<https://litres.ru/74040113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ни наука, ни религия, ни философия не могут утолить порыв людей к тайнам. В этом произведении гипотеза хранения информации во Вселенной становится основой сюжета.

Главный персонаж, начинающий писатель Ежов Владимир, через квантовое поле знакомится с текстами писателя-любителя, вертолётчика Александра Щербицкого, повествующего о своей жизни. Необычная встреча сочинителей происходит, когда Ежов в коматозном состоянии в образе фантома, а Щербицкий, увы, в качестве призрака.

Выйдя из комы, Ежов исполняет просьбу призрака Щербицкого, встречаясь не только с его дочерью Натальей, но со вдовой Алевтиной Щербицкой и бывшим сослуживцем-замполитом, а в настоящем священником Михаилом. Отец Михаил не рекомендует Владимиру раскрывать семье тайну жизни в Афганистане после пропажи без вести отца и мужа Александра, а это: лечение в плену, принятие ислама и создание новой семьи. Ежов помогает Наталье Щербицкой с опубликованием рукописей отца, но тайну окончания жизни вертолётчика не раскрывает.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	35
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Сергеев

Квантовая зависимость

Пролог

Когда солнце ускользает прочь за горизонт, вместе с романтикой ночи на земную твердь накатывает тьма. И ночная таинственность, выворачиваясь наизнанку, перелицовывает романтизм мистикой, пространство будто заполняется плотной и пугающей субстанцией, продуктом рекуперации (от лат. – возврат) гигантского сепаратора, например такого, как чёрная дыра. Его форсированная центрифуга раскручивает объекты галактик до скорости света, и далее уже, без Большого взрыва, осуществляется вселенская метаморфоза. Сначала сепаратор снимает с объектов копии, информацию, как сливки с молока, а затем разбирает на составляющие, даже свет на лёгкие энергетические монады, а вот затем, спаривая их, делает тяжёлыми, образующими уже не свет, а материю, тёмную материю. Этот процесс можно назвать и противостоянием Господу, ведь в Библии сказано: «... и отделил Бог свет от тьмы» (Бытие, гл.1, ст.4), а вот гигантский сепаратор, именуемый чёрной дырой, тормозя и утяжеляя свет, возвращает его в первозданность.

Свет исчез, а материя растекается безвидно. Выделяемая

процессом сепарации тёмная энергия, пронизывая всё вокруг и проходя сквозь обычную материю беспрепятственно, явно не проявляет свою отталкивающую силу, антигравитацию. Она словно ищет объект, способный принять её энергетический потенциал, эквивалентный информационному объёму накопленных знаний Вселенной. Не меняя магнитные полюса, она лишь искусно маскирует что-то в темноте, приглашая и заманивая наблюдателя испытать себя стоянием на краю бездны. Но не только адреналином насыщается организм человека у этого края, тёмные энергия и материя деформируют индивидуальное защитное поле, воздействуют на психику, ища брешь в защите или открытый канал, через который информационный поток будет воспринят. Так что же это такое, что делает наше состояние в ночи как минимум некомфортным, а как максимумом близким к ужасу? На запрос поисковика к всемирной паутине всплывает характеристика тёмной материи: «Это гипотетическое вещество, которое проявляет себя исключительно через гравитационное взаимодействие с галактиками и другими сгустками видимой материи. Большинство астрономов полагает, что каждая галактика обрамлена гало, «поясом» из тёмной материи, которая не даёт звёздам и облакам газа разбежаться. Ещё один факт: галактики ускоряют движения во Вселенной, не притягиваясь между собой, их что-то расталкивает и подталкивает на край... бездны».

Упрощение формулировки приводит к выводу, что тём-

ная материя – это всего лишь антигравитационное поле, к тому же холодное. По логике возникают вопросы: что его создаёт? И антигравитационное воздействие, антигравитация – есть тёмная энергия? По своей природе человек биоэнергетик, его поле обязательно реагирует на любые энергетические потоки. Если допустить, что антигравитация – тёмная энергия, потому как она же, говорят астрофизики, разгоняет Вселенную, то тогда, кроме обычного притяжения к Земле, на человека, как на малый объект, должно же как-то влиять и антигравитация. Допустим, что она делает гравитацию чуть меньше, но воздействие на его психику в сумерках усиливается, что-то отталкивает от тьмы. Возникают необоснованное волнение и предчувствие чего-то нехорошего, тем самым формируя иллюзию страха ночи. Недаром в молитве «Живые помощи» есть такая фраза: «Не убоишься ужасов в ночи...», предки наши из всех катаклизмов ночь ставили на первое место. Ночь информирует нас, что движемся мы к краю холодной бездны? А что же божественный свет? Свет не разрушает антигравитацию, он лишь помогает психике человека сопротивляться тревожному беспокойству, подпитывая энергией спокойствия и тепла.

В ночном пространстве человек чувствует зов света, оттого бросает по инерции взгляд вверх, где днём находился его главный источник. А там бесчисленная россыпь звёзд на тёмно-синем вперемешку с чёрным индиго фоне. И несёт она свет, красивый и холодный, но что-то примешивается

к нему, и завораживает своей таинственностью. Возможно, главный сепаратор каждой галактики, разобрав материю тел, сохраняет информацию о разрушенном объекте кодированной энергией и отправляет её обратно в пространство, возможно, так создаётся квантовое поле или информационное поле Вселенной. Заложены ли в человеке приёмник-дешифратор такой информации? Скорей всего, да, есть косвенные подтверждения, кроме экстрасенсорики, такой же гипотетической, как тёмная материя и энергия, в темноте обостряется шестое чувство – интуиция. А интуиция – это информационный поток из будущего, где сепаратор уже отделил информацию от материи.

Если бы люди, преодолев гравитацию, могли парить над землёй, то для их главного получателя информации, зрения, открылась бы удивительная картина. Селенья и города, словно копируя звёздное отражение с глади морей, проецируют на поверхность земли мерцание световых сред. Фонари, неоновая реклама, окна и транспортные огни соперничают со звёздностью, проигрывая им в глубине и величии, но создают видимость местечковой борьбы с тьмой. Невидимые слуги бездны, распустив чёрные щупальца, вползают ими меж огней в селенья и города, оккупируя не только низины и щели, но и неподвластные воде и воздуху (если не врёт реклама) пластиковые окна. Как ни странно, но делается это выборочно, видимо, защитное поле людей имеет разный потенциал, избегаются многие лишённые света оконные проёмы,

одни, как электрические скаты, отпугивают разрядами, другие – даром божьим – искорками любви.

Попробуем отследить путь тьмы с её гипотетическим воздействием на психику и подсознание, соответственно, и сознание человека через знакомство с ночным бытом людей. Ведь всё же тьма несёт в себе не только страх и ужасы, но и таинственность. Так и хочется зажечь свечу или лучом фонарика пошарить по углам тёмной комнаты и обнаружить там что-то, что способно поразить наше воображение, делая серую жизнь более яркой, а, возможно, и цветной, но это уже кому как, в зависимости от смелости и дерзости каждого меняются его фантазии. Но фонарик и свеча – это технические изобретения, а мы попробуем виртуально, только силой мысли оживить картины и образы земной жизни.

Вот яркое белое окно, за полупрозрачными занавесами тюли кухня, двое мужчин под лампой дневного света в сизом дыму ведут разговор. На столе традиционная закуска. Тёмно-зелёные маринованные огурчики, нарезки бледно-розовой, с намёком на принадлежность к мясному продукту, сыроваренной колбасы, брикеты серого хлеба ощипаны и изломаны через один, и, не совсем в традицию, опустошенные наполовину полтора литра в пластике мутного напитка, называемого запивкой, и, наконец, полбутылки прозрачной жидкости с акцизной маркой или без таковой. Но без разницы, чем сервирован стол, важна тема, овладевшая сознанием сидящих за ним, а в настоящий момент она только на-

половину исчерпана. Главное то, что они разогреты, им не страшны темнота и холод, возможно, только скоро придётся наращивать свой защитный источник, как это ни банально звучит – блуждать во тьме. Да и таинственности здесь нет, ну разве лишь на дне бутылки, но не каждой, так пойдёшь найдёшь ту нужную.

Двинем виртуальный взгляд дальше, есть ещё световые проёмы. Вот голубые всполохи – смотрят телевизор, идёт неспешный процесс зомбирования, боюсь, мы уже опоздали, здесь нет сопротивления, ведь тьма уже внутри телевизора, просочилась из ночного эфира. И таинственности тоже здесь нет. Может ли банальность быть таинственной? Неизвестно, но проверять не стоит, если мы не хотим стать обладателями Шнобелевской премии.

Следующее окно. Приглушённый желтоватый свет – горит ночник, молодая женщина с усталым, но добродушным лицом качает малыша, сами понимаете – нас здесь не ждут. «Темнота – друг молодёжи!» – слоган не для малыша, сейчас ему лишь бы мама была рядом, оттого и не спит, хнычет и зовёт. Не любит одиночества и темноты. А материнская любовь – самая крепкая броня, здесь надёжная защита. Здесь есть таинство, и это любовное таинство. А вы знаете, в любовное таинство не стоит вмешиваться, иначе с вашим любовным кто-то поступит также.

А ночь-то оказывается многоцветной, и вот ещё один свет – серый. Одинокий человек ищет родство для души в ки-

берпространстве. Возможно, такую энергетику и чувствуют липкие щупальца тьмы? Остановимся и мы на одном из таких окон, к сожалению, их становится с каждым отворотом Земли от Солнца больше. Что это, болезнь роста цивилизации? Вселенский вирус от информационных потоков? Гипотетически возможно всё. Какое ёмкое определение придумали «гипотетически», им можно объяснять необъяснимое, формулировать целые научные гипотезы...

Что же мы видим? Бессонница заставила сорокалетнего мужчину вместо подушки прильнуть к экрану монитора. Если спросить: «Что он ищет на открываемых сайтах?» – вразумительного ответа не последует. Судя по всему, он не блогер и не любитель онлайн-чатов. Тоска и одиночество? Заразился вирусом бессонницы? Где и какое излучение накрыло его? Что глубокой ночью подняло его с постели, где умиротворённо сопела супруга, отконвоировало в комнату сына, принудило включить компьютер. Возможно, вчера сын с друзьями отправился на турбазу или вообще уже с родителями не проживает, а предметы «одиночества» пока не забрал, суть не в этом, просто помешать и возразить ночному бдению некому.

Голубой экран в ночи – сродни portalу в другое измерение. Так ощущают многие, и он в том числе. Голубое свечение позволяет забыть о сне, в глубине души осаживает тревогу, неприятное беспокойство отодвигается в темноту, как бы опасаясь света, тусклого, но для подпитки защитного ши-

та бывает и такого хватает. Вот он открывает новое окошко. Антивирусная программа предупреждает: «Внимание! Данный сайт может нанести вред вашему компьютеру». Сообщение игнорируется, ведь запретный плод всегда сладок, об этом знает каждый малыш, а взрослый в душе – ребёнок.

«Внимание! Данный текст может нанести вред вашему сознанию».

«О-о! Это уже становится интересным!» – восклицает мысленно мужчина. Он читает статью неизвестного автора под псевдонимом Аркан. В тексте раскрывается гипотеза об информационном поле Земли, о человеческом сознании и подсознании, об их пересечении и взаимодействии. Путано, непонятно, бездоказательно. В качестве наглядного пособия ссылка на ролик. Он собирается его запустить. Щелчок, чёрный экран, посередине крутится колечко, через паузу в несколько секунд появляется изображение и звук.

На экране появился необычный молодой человек, мультяшный, рисованный. Одет он чудно, в цветастом камзоле и такой же колпак на голове, на плече посох с привязанным узелком. Шагает, задрав голову, под ноги не смотрит. Звонящий голос диктора за кадром сопровождает анимацию такими словами:

«Вы хотите постичь таинства Вселенной, такие, например, как что несёт нам свет далёких звёзд и почему рукописи не горят, для начала ознакомьтесь с Арканами, начните со Старших, с нулевого, не смотрите на изображение как на

простую картинку, ведь он шагает из будущего в прошлое, не будьте наивными, как он, ведь он – это вы в прошлом. В этом вся суть, здесь начало и конец. Вы усмехнулись! Вам не нравится его название «Шут» или «Дурак», зовите его «Нулевой». Если не подходит и это, пусть будет просто «Аркан». Он поможет раскрыть вам тайны Вселенной, ведь он сам и есть «Таинство».

«Чушь и бред», – усмехается в ответ мужчина и, потеряв заинтересованность, намеривается закрыть сайт. Неожиданно на экране появляется сообщение: «Вы действительно хотите покинуть сайт, не ознакомившись полностью с информацией квантового поля?»

«Конечно», – твердит мысленно мужчина.

«Мы не рекомендуем вам покидать страницу на данной стадии, нельзя, иначе сами вы не закроете Сахасру, открытую нами! Приёмник космической энергии начнёт работать, и только ваш Аркан знает, что он вам принесёт!»

«Чушь, – усмехаясь, мужчина щёлкает по крестик. – И нет у меня никакого Аркана». Долго крутится радужное кольцо, но вот наконец-то окно превращается в чёрный экран. «Всё это муть», – размышляет мужчина, добавляя при этом с огорчением: «Навевает только сон и ничего более». Тут веки мужчины самопроизвольно опускаются, тяжёлая голова укладывается на скрещенные руки, его сознание обволакивает сладкая дрёма. Мужчина засыпает за компьютерным столом, подушкой служат руки на клавиатуре.

Из полумрака комнаты, со стороны двери, выплывает серое пятно. По мере приближения к спящему за столом мужчине очертания пятна конкретизируются, приобретая облик женщины в ночной сорочке. Распушенные волосы, тяжёлые груди без поддержки непривычно низко бугрят ткань чуть выше живота, оголённая рука касается плеча спящего, слегка встряхивая его. Мужчина, приподнимая голову, оборачивается.

– Ты в своём уме? – слышится раздражённый женский голос.

– Сам не спишь и другим не даёшь? – продолжает шипеть, как гусыня, женщина, словно боясь разбудить темноту окончательно.

– Ань, ну чем я тебе помешал? – удивляется вполголоса мужчина.

– Треск стоит такой, что я, проснувшись, неизвестно чего подумала.

– Какой треск? – переспрашивает мужчина.

– Володя! Иди ложись, как нормальный человек, не ломай сыну компьютер, – уже более мягко произносит женщина.

– Иди! – повторяет она. – Я сама всё выключу, напечатал во весь экран чёрт-те что!

Супруг покорно встаёт, убирая руки с клавиатуры, треск прекращается. Слегка опустив голову, он делает неспешные шаги в темноту.

– Аркан, Аркан, что за имя такое? Или кличка? Фу!

Неприятное и липкое, боюсь, теперь из-за этого мне и не уснуть, – ворчала женщина вдогонку покидающему комнату мужу.

Экран монитора очистился, браузер закрылся, кулер взвыл последний раз и затих. Виртуальный портал в другое измерение затаился в ожидании следующего сеанса. Тёмная энергия достигла конечного пункта, ведь информация через открытый канал принята ночным объектом. Он теперь не только информационный накопитель, но и естественный интеллект обработки полученной информации, наделяющей её новым смыслом и энергетическим потенциалом. Опасаться нечего, переполнение лично ему не грозит, например, накрыться медным тазом, как информационным полям Земли или Галактики. Сбрасывать информацию жизнь научит, тем более есть множество вариантов, не как у Вселенной. Которая, постоянно борясь за своё существование, разгоняет по гигантским нитям космической паутины ионизированного водорода выбрасываемую чёрными дырами материю и энергию вместе с информацией от «сожжённых рукописей» в монструозном сепараторе. Возможно, в этом суть и смысл её бытия, начало там, где конец.

Глава 1

Дышится тяжело, и просвета нет, кажется, как будто густая темень, пропитанная чем-то липким и плотным, например слоем мазута, приставая ко всему, давит и давит, мешая груди свободно вздыматься. Но вот что-то произошло, что облегчило дыхание – разом увеличился объём до огромного пространства с одновременным исчезновением тьмы. Хоть и приглушён свет сизой дымкой, и раздражает, но это лучше непроглядной тьмы. Стал постепенно фокусироваться и обзор, Владимир осматривался по мере расширения, осмысливая окружающую панораму. Ощущение было двояким – снаружи зябко, а внутри жгло. «Это всего лишь сон!» – успокаивался он. Но тут же находились детали, которые опровергали умиротворённость, хотя по отсутствию запахов можно было эту гипотезу и принять. Так что же предстало обзору Ежова?

Это... Запрыгало сердце в груди – это детство. «Как детство? Какое детство?» – где-то сопротивлялся мозг неожиданному вбросу. «Вот видишь – светло, а глаз не поднять, чтобы рассмотреть, что там светит!» Ежов пробовал опровергнуть утверждение, но не получалось. Шея, которая и не чувствовалась, не изгибалась, глаза косились, но едва обзор чуть смешался в высь, покрывались водяной плёнкой, словно слезой. «Наверно, детство, – сдался мозг. – Деревья большие, и не видно, где они там заканчиваются». Вни-

зу песок, мозг хотел добавить «под ногами песок», но ноги не просматривались. Плыв над песком, упёрся в дверь. Дверь как дверь – без всяких характеристик. Сама открылась, проник за неё. Узкая комната, можно сказать – длинный коридор, потому что там, вдалеке, ещё одна дверь. «Выход из этого лабиринта», – определился с выводом мозг. Но вброс опять подсказывал: «Не торопись на выход! Осмотри!» Глаза произвольно поднялись. «О! Могу смотреть по сторонам и ...вверх! – удивился мозг. – Видимо, детство закончилось». На стенах комнаты с двух сторон – картины сплошным рядом.

«Что за галерея? – озадачился мозг, – прямо Третьяковка!» «Это – твоя жизнь!» – снова проявился вброс. «Что же получается, в одну дверь вошёл, а в другую вышел?» – изумился догадке мозг. Между тем, двигаясь по коридору мимо развешанных картин, взгляд Ежова задержался на одной из них. Картина ожила, растеклась, поглотив и втащив сознание Владимира внутрь себя. «Так это же... конец девяностых, начало...» – узнавал себя в прошлом Ежов. «Не-е-е! – заблеял мозг. – Не хочу туда снова!» Сознание сделало усилие попятиться, и ему удалось снова очутиться в коридоре. «Ну вот так-то оно лучше будет!» – с облегчением выдал мозг. «Всё же я лучше выйду из этой сумятицы, не хочется повторов», – разрешился выводом мозг, направляя сознание к выходу. Дверь открылась сама, словно автоматическая, выпустила Владимира наружу, а там большой круг-

лый двор, огромный.

И снова он не может видеть, что там наверху. Двор круглый оттого, что здание, ограничивающее его, круглое, со сплошными дверьми вместо стен.

«И народу... никого! – возмутился мозг. – А мы кого-то ждали?»

– Я, конечно, извиняюсь, – воспроизвелись знакомые нотки где-то там в мозгу, – но мне кажется, это Ежов собственной персоной?

Владимир отреагировал на возглас поворотом. Справа перед ним стоял Сёмкин. «Анатольич! – изумился мозг. – Точно он, собственной персоной!»

Виталий Анатольевич гулко кашлянул, как и полагается заядлому курильщику, и мозг Ежова воспроизвёл эти звуки внутри себя, как и ожидаемый вопрос для проформы:

– Что? Узнал наконец?

– Да ты почти не изменился, – обрадованно залебезил Ежов, – и одежда та же, ей прямо и сносу нет.

На Сёмкине был серый пиджак в крупную рыжую полоску, с широкими лацканами, галстук красный поверх белой рубашки. Узел крупный, но тугой, поднимал складки мясистой шеи к скулам и обвислым синеватым щекам, глаза впалые под мохнатыми бровями в тон седоватому взлохмаченному волосу.

«Странно, – удивился мозг, – а ног-то не видно!»

– Значит, не всё помнишь, – вклинился Анатольевич, – не

держишь образ.

– Погоди, погоди... О чём это ты? – заволновался Владимир.

– Да всё о том же...

– Так ты же того, умер как месяц с лишним от ковида! – удивился догадке Ежов.

– Совершенно в дырочку, тридцать восемь дней назад, – уточнил Сёмкин.

– Как же это получается? Выходит... Это я... того? – путался в мыслях Владимир.

– Ну, это не мне решать, а меня ты вот держишь, как на привязи, – невозмутимо бубнил Сёмкин, направляя взгляд куда-то в ноги визави. – Задерживаешь, так сказать.

– Как же так, я ведь по твоему совету от ковида привился, – возмущался Ежов, – а вот мы и вместе тут...

– Видишь, какая штука с прививкой, – пояснял Анатолевич, вытирая пальцами синюшные губы, словно салфеткой после трапезы, – прививаться можно только здоровым, а больным противопоказано.

– Так я же всегда здоровым был, – возмущался Владимир.

– Тебя оса перед прививкой два раза кусала? Кусала. Аллергия была? – спросил Сёмкин, тут же сам опять ответил: – Была, с температурой, отёчностью и крапивницей.

– Анафилактический шок после прививки, – пояснил Анатолевич, – ты сейчас там вне сознания...

– Там – это где? – уточнил Владимир.

– Загляни в люк под собой, – вместо уточнения посоветовал Сёмкин.

– В люк?! – повторил Ежов, направляя взгляд под себя.

Под ним оказался канализационный люк, посечённый мелкими квадратиками, ранее его здесь не было. «Как же я его открою? – озадачился мозг новой проблемой». Но люк, словно подслушав его мысли, сначала стал водянистым, а затем прозрачным. Заглянув в этот иллюминатор, Владимир увидел мужчину на больничной кровати с красноватым лицом и припухшими веками, с капельницей в руке. «Это кто? – озадачился мозг. – Это разве я? Совсем не похож».

Ежов перевел взгляд на Сёмкина в надежде найти у него объяснения. Тот, пожав плечами, развел руки. Владимир снова посмотрел под себя, но там уже ничего не было: ни иллюминатора, ни люка.

– Это конец? – спросил Анатольевича Ежов с какой-то тоскливой надеждой на всё хорошее.

– Чтобы определить конец, нужно знать начало. Ты знаешь, где начало? Возможно, начало там же, где и конец, – открывая рот, Сёмкин перемещался перед Ежовым как-то рывками.

«Это он обиду затаил, – произвёл догадку мозг». И Владимир спросил:

– Ты обиделся, что не был на похоронах? Так я узнал уже потом...

– Предрассудки людские! – перебил его Анатольевич, вы-

полняя непонятные пируэты, отдаляясь и снова приближаясь. – Всё это глупости, собираются все вместе, чтобы устроить показуху друг перед другом.

– Ты предлагаешь не ходить на похороны? – удивился мысли Сёмкина Ежов.

– Да хотя бы и так, – застыл на месте оппонент, – покойнику всё равно, сколько равнодушных придёт и возложит цветы у гроба. Ему важны чистые душевные вибрации.

– Что-то мудрёно ты излагаешь, Анатолич, – возразил впервые Владимир, – раньше яснее выражался, а теперь – начало, конец, вибрации...

– Это теперь не я говорю, теперь лишь транслирую...

– Тогда получается, ты – это не ты? – удивился вопросу и сам спрашивающий.

– Конечно, не я. Теперь я призрак, – засмеялся Сёмкин.

– А я кто? – озадачился Ежов.

– А ты фантом, – снова засмеялся Анатолевич.

Владимир стал пристально всматриваться в лицо уже призрака Сёмкина, ему казалось, что его троллят. Но призрак не стоял на месте, постоянно дрейфовал, дёргался, зафиксировать взглядом его лицевую мимику никак не удавалось. «Вот так и Аркан во сне ускользал от меня, тоже, наверное, призрак», – пронеслось в мозгу Владимира. В этот момент призрак Анатолевича, остановившись, оглянулся, словно почувствовал чей-то ещё взгляд.

– Нет, он просто твоя неудачная сублимация, – издева-

тельски вклинился Сёмкин.

– Что?!! – возмутился Ежов.

– Неудачная сублимация – твои хотелки, – пояснил Анатолевич, повернувшись лицом к собеседнику и кивая себе за спину.

– А попроще слабо? – наседал Владимир.

Призрак Сёмкина, хмыкнув, двинулся по воображаемому кольцу, против часового хода ему только видимому кругу, бубня:

– Неудачная трансформация жизненной энергии в творческую. Напрасно потраченные часы и дни жизни, воплотившиеся от сильного желания в околотворческий фантом. Симмулятор писательства – симпис.

После окончания фразы он, как фокусник, махнул рукой, и от его действия возник на отдалении силуэт человека в колпаке с посохом через плечо, на котором за спиной висел узелок с чем-то.

«Аркан!!! – молнией по нервам ударил мозг Ежова».

– Фальшивый фантом, – продолжал призрак Сёмкина, – «Ф-2», буду его называть, а то Аркан как-то по-цыгански, а симпис мне также не климатит, уж совсем современно.

– Почему тогда не Ф-1? – усмехнулся Владимир, наблюдая за Арканом в отдалении.

– Так Ф-1 уже есть – это граната.

– Он тоже граната, ещё какая боевая, только крошит в кашу душу и мозг изнутри, – пояснил Ежов.

– Ты смотри какой вредный и опасный, а на вид... – тут призрак Сёмкина сделал паузу, видимо, подбирал сравнение, – так себе, дурашливый мужичок, нягость.

Аркиан тем временем скинул с плеча посох с узелком и театрально исполнил реверанс.

– У нас все на вид «так себе» опасными на деле оказываются. Это только в Голливуде что монстры, что герои – о-го-го, – развивал свою мысль Владимир.

В этот момент он стал замечать, как обзорная панорама вокруг расширилась. Круговая стена, состоящая из дверей, приобрела хорошую видимость. Она продолжалась из-за спины едва заметными закруглениями в обе стороны дальше, охватывая огромный двор кольцом, и так далеко, что Владимир уже наблюдал смыкание огромного круга, правда, только посредством парящего горизонта, но окружная линия преодолевала воображаемую диаметральную линию. Присмотревшись, он понял, что диаметр совсем не виртуальный, а состоящий из сетки рабицы с колючей проволокой поверху. «Так это же забор двухметровый, как... в концлагере», – подытожил увиденное мозг. Тут же за забором нарисовалась ещё одна тёмная фигура, интуитивно Ежов догадывался, что тоже знакомая. Сёмкин повернулся, читая мысли Владимира, выдал удивлённо: «О-о, новый Ф-2 объявился, на смерть похожий, только без косы. Ты не переживай, он не нашего поля ягодка».

– Я и не переживаю. Это монах Оккам, – отозвался на

предупреждение Ежов.

– Выходит, ты и его пристегнул, чужака, – удивился Анатолевич.

– Не пристёгивал. Сильно обозлился на одного редактора. Он меня всё бритвой Оккама скоблил, – отбивался Владимир.

– Тебя?!

– Ну не меня, текст мой, – поправился Ежов.

– А-а, – ехидно потянул Сёмкин, – помнится, помнится, что-то было такое, рассказывал. Ты с ним про Павлика Морозова зарубился.

– Про Павлика Морозова? – недоумённо переспросил Владимир, пожимая плечами. – Я с ним про «Мастера и Маргариту» спорил, что это сюжетный роман.

– Про Павлика до сих пор тоже всё спорят, – пояснял Анатолевич.

– А что про него спорить? – удивился снова Ежов.

– Ну как что спорить? Обсирают Павлика, – просто и без затей выдал Сёмкин.

– Кто обсирает? – стал уточнять Владимир, не замечая, что перешёл на сленг оппонента.

– Писаки, в Лондоне живущие. Мол, Павлик Морозов – герой, хотя и стукач. Рассуждают так: «Наверное, потому его и убили. Убили за то, что стукач, а герой, потому что убили. Все нормальные носили галстуки в карманах, а ненормальные – на шее, звались пионерами», – отбил тираду Сёмкин в

мозгу Ежова. – Хотя Павлик Морозов при жизни не был ни пионером, ни доносчиком.

– Вот нагородил, так нагородил, – усмехнулся Владимир, – это просто западная пропаганда превращает всех наших героев в ничтожество, с намёком, мол, какие герои, такие и почитатели.

– Смотри, как ты в этом вопросе разбираешься, а тексты, однако, по западным лекалам пытаешься выстраивать, – ёрничал в своём излюбленном стиле Анатольевич.

– А что тут разбираться? – не замечая подвоха, увлёкся новой темой дискуссии Ежов. – Будет ли враг называть генерала Власова предателем? Нет, конечно, в лучшем случае обзовёт коллаборационистом, в худшем для нас – борцом с режимом. Поэтому коллаборационисты и называют Павлика Морозова стукачом. Полнейший абсурд – по их же понятиям они тогда сами «Павлики Морозовы» земли русской.

– Ну да, пропаганда, – согласился Сёмкин, – это они через коллаборационистов хотят новую революцию замутить, удачных попыток у них пруд пруди.

– Непонятно только, почему пособники себя русскими называют, – возмутился Ежов, – патриотами России. Кто их научил быть русскими и ненавидеть страну русских?

– Что тут непонятно, по обличью и по форме – русские, а в душе давно тридцать сребреников пригрели. Много, значит, тусуются иудеев между ними, у них и учатся, как правильно родину любить, – поддакивал Анатольевич.

– Вот таких дискуссий мне и не хватало, – вздохнул Владимир.

– Это я в курсе, – усмехнулся Сёмкин, – у тебя и сейчас фантомные боли по прошлому.

– По какому прошлому? – не понял намёка Ежов. – По совместной работе?

– Ну, как же, по СССР, – пояснил Анатольевич.

– А ты откуда знаешь? – удивился Владимир. – Ты же не читал мой текст по идеологии, и книгу я не закончил.

– Тогда не читал, а теперь вот ознакомили, – жестикуюлируя руками, как будто расстилал невидимую скатерть, пояснил Сёмкин.

Лицо его оставалось расплывчатым, как ни старался Ежов отследить мимику безногого призрака, ничего не получалось. «Точно, призрак, – выдал окончательный вердикт мозг». Однако спросил иначе чем мыслил:

– Когда же ты успел?

– Я и сам не знаю когда, просто знаю и всё. Тут всё так, что нужно – тебе сообщат, – невозмутимо танцевал перед Владимиром Сёмкин.

– Может, ты знаешь, почему за мной Ф-2 таскается?

Ежов спросил наугад, надеясь поставить оппонента в неудобное положение, но получил неожиданный ответ:

– Конечно знаю. Ф-2 подсовывает тебе тексты...

– Это чтобы подтвердить тезисы «Рукописи не горят»? – перебил его Ежов.

– Ну, это само собой. Ты обрабатываешь тексты, вкладываешь в них живую энергию, симпис, одним словом. Он, снимая её, подзаряжается.

– Чем мне это грозит? – продолжил раскручивать злободневную тему Владимир. Вопрос по чужим текстам, вкладываемых Арканом в его голову во снах, всегда волновал его.

– Если графоман, то плохо совсем, закончится энергия, и на этом всё, – призрак Сёмкина снова развёл руками, демонстрируя это «всё».

– А если не графоман? – не отступал Ежов, седлая вторую свою наболевшую тему.

«А ведь Сёмкин по моим болячкам идёт! – воскликнул мозг. – Давно мучаюсь вопросом: кто я? Писатель или графоман?».

– А если писатель, то есть поклонники, которые через текст тебя подпитывают, дают энергию для дальнейшего творчества, – пояснял призрак, читая мысли собеседника.

– Вот оно как! – удивился Ежов. – Тогда он не граната – целая бомба, нет, мина... химическая, отравляет по-тихому.

– Да он-то при чём? – снова вставил шпильку поперёк рассуждений Владимира призрак Сёмкина. – Всё от тебя зависит. Если ты не веришь в писательство своё, значит, веришь в графоманство.

– Я уже ни во что не верю, – усмехнулся Ежов.

– Ну, без веры нельзя. Без веры не только творить не получится, но и графоманить не будешь.

– Подождите! – завёлся Владимир, как в былые годы в спорах с Сёмкиным. – Если я не писатель, но пишу, по-вашему, тогда я графоман? Мне тогда непонятно, как писателями-то становятся, если писать нельзя? А если я просто хочу писать, почему не могу этого делать просто так?

– А вот тебе не приходила такая мысль: почему ты хочешь писать? – повернул на новую колею разговор Анатольевич.

Вопрос ударил Ежова не в бровь, а в глаз, моментально смешал все задумки, собрав мысли в кучу. «Вот узнаю Сёмкина, всегда так поступал! Неожиданностью брал! – изумился мозг Ежова».

– Странный вопрос! – возмутился Владимир. – Почему человек, если хочет что-то, кроме естественных потребностей тела, люди об этом не задумываются? Говорят: «Хочу на море!» или «Хочу машину!» Откуда такие желания? Хотя человек не был на море ни разу и за рулём авто не сидел. И это никого не удивляет, а вот если человек пишет, но его не печатают, считают отклонением от нормы. Видимо, оттого и плодятся в стране издательства, вытягивающие последние гроши с несчастных писак. Книг много, а читать нечего.

– Ну всё же, ты лично задумывался, отчего начал писать? – не отставал от Ежова призрак.

– Не задумывался, просто хочу, – буркнул Владимир.

Тут же встрепенулся, переспросив:

– Ты хочешь предложить свою версию?

– Можно назвать версией, но опять всё упирается в веру

человека, что он не сам по себе, а им управляют.

– Допустим, и...

– Ты просто попал под луч ПЭП.

– Луч ПЭП? Расшифруй.

– Пассионарный энергетический поток.

– Я догадывался – это твой обычный развод.

– Ну почему же развод, обычная версия, когда нет иных.

– В таком контексте у тебя есть версия, для чего живёт человек? Только имхо, лучше не отвечай, не занимайся пропагандой своего имхо.

– О-о-о! – засмеялся призрак в манере, привычной для живого Сёмкина, закидывая голову назад, а взгляд вверх. – О таких вещах можно вечно спорить, это не про сюжетность романа «Мастер и Маргарита», когда нет ясности в определении, к какому жанру его отнести.

– А что тут определять? – возмутился Владимир. – Опять наводишь тень на плетень, с темы соскочить пытаешься – к жанру «Мениппея», естественно.

– Тихо! – неожиданно прижал толстый указательный палец к синюшным губам призрак Сёмкина. – Тихо! Не буди лихо. Ты уже привлёк два Ф-2, хочешь третьего зацепить?

Призрак кивал в сторону Оккамы, где за сеткой вырисовывалось множество новых тёмных силуэтов. Один из них, рядом с Оккамой, с седой пушистой бородой, в широкополой шляпе, прильнув к сетке, скалил редкие уродливые жёлто-коричневые зубы, тараша глазищи прямо на Ежова.

«Так это Менипп Гадарский!» – прокручивал вброс-подсказку, пришедшую неоткуда, мозг Ежова. Владимир стал более внимательно всматриваться в силуэты за сеткой, и чем пристальней он вглядывался, тем сильнее его охватывал ужас.

Рядом с Мениппом стоял худой высокий военный в длинной шинели, фуражке с лаковым козырьком, наезжающим на очки с кругленькими стёклами. «Так это призрак Власова!» – снова пришел вброс. Руки военный держал на плечах мальчика в пионерском галстуке, причём мальчик находился по другую сторону сетки. Часть рукавов шинели с запястьями и тыльными сторонами кистей чудным образом проникали сквозь сетку-рабицу. «Павлик! Морозов!» – охнул мозг Ежова. «Так здесь сплошная прослушка!!» – сделал вывод мозг Владимира.

– Тут вам не там! – усмехнулся призрак Сёмкина, двигая лохматыми бровями.

– Нет в этом моей вины, – пытался оправдываться Ежов, – это всё ты – провокатор, подсовываешь новые темы для разговора, как поп Гапон.

Произнося имя нового персонажа, Владимир испугался и тут же прикрыл рот ладонью, бросая взгляд на ограду.

– Хорошо, какая тема интересна тебе?

– Хотелось бы обсудить мой манифест. Что там не так?

– А не так там самое главное – название.

– Что с ним-то не так?

– Вот смотри, что делать евреям, уж коли мы эту нацию однажды упомянули, пусть для примера будут они? Что им делать, ведь гуманизм-то русский? Сдался он им тогда, они и обращать на него внимание не станут.

– А что предлагаешь ты?

– Предлагаю назвать ГТС – гуманизм традиционной семьи или традиционный семейный.

– Тут вот какое дело – Менипп с Оккамом неизбежно всё переиначат, перевернут с ног на голову, как их последователи, например, украли у русских победу над Гитлером. А вот название «русский» сложно перестроить, можно сказать, это защита от подделки, своего рода авторский знак.

В этот момент внимание Ежова отвлекло некое действие – с правой стороны открылась дверь здания, во двор вывалился мужчина. Он, оставаясь на четвереньках, щурясь, как крот, и пригибая шею, как гусак, оглядывался по сторонам. Владимир вопросительно посмотрел в лицо призрака Сёмкина. Тот, пожав плечами, ответил:

– А я откуда знаю? Это твоя кома.

Владимир хотел возмутиться ответу, содержащему неопределённость, но вокруг происходили новые трансформации, которые отвлекли его от темы. Силуэты за сеткой потеряли чёткость конфигураций, став водянистыми кляксами, да и освещение вокруг потускнело, как будто наступали вечерние сумерки. Ежов уже собрался поинтересоваться у призрака Сёмкина, что это значит, но и Анатолевич ку-

да-то пропал. В том месте, где он находился последний раз, не было никого и ничего, даже водянистого пятна. Мужчина, вывалившийся из соседней двери, чудным образом, как в мультфильме, затягивался обратно в помещение. В стороне по-прежнему стоял лишь один Аркан, опираясь грудью на посох и держа в руке узелок. Он один лишь оставался видимым. Ежов махнул ему рукой, подзывая. Аркан приблизился мгновенно.

– Хочешь узнать, кто тот мужчина? – опередил он вопрос Владимира. – Это твой знакомый. Он терял сознание, кратковременно. Двери – это все твои знакомые, видишь, как их много, ты, верно, не всех и помнишь.

– Чудно! – удивился Ежов. – Меня вот ещё что беспокоит: куда все подевались и отчего темнеет?

– Так известное дело, ночь наступает, нет подпитывающей энергии, оттого и не видно.

– Как и здесь? – удивился Владимир.

– Всё по образу и подобию, только там утро, а здесь вечер.

– Мне-то это чем грозит? – приглушённо поинтересовался Ежов.

– Не могу знать, под чьей вы защитой, но лучше укрыться за дверью.

Аркан показал посохом на дверь, через которую Владимир вышел во двор.

– А как же ты? – заинтриговался Ежов, боясь потерять собеседника.

– Я – твоё создание, не будет создателя поблизости, и я не буду видимым.

Сумерки сгущались. Владимиру стали мерещиться уродливые тени вокруг, причём они проявлялись не на плоской поверхности внизу, а по большей части в пространстве над ним. Аркан висел у двери и, указывая на неё рукой, произнёс:

– Людям следует заботиться об исполнении долга, поэтому вам лучше укрыться.

– По большому счету, никто не знает своего долга, и я в том числе, – возразил Владимир, но к входу в здание переместился, тем более снова проявился призывающий вброс в голове: «Иди внутрь!»

Как только он приблизился на расстояние вытянутой руки, задверное пространство втянуло его в себя. Сумерки сменились чернотой, но имелось существенное отличие – у тёмного коридора было видимым начало и конец. К тому же Аркан, стоявший в конце почти у самой двери, своим тусклым свечением обозначал серо-коричневые стенки коридора. Ежов оглянулся, где-то далеко, в начале коридора, помимо светлого начального пятна, наверху мерцала ещё картина его жизни девяностых годов, в которую его сознание провалилось прошлый раз. Не наблюдая более ничего интересного, Владимир обратился к Аркану:

– Так на чём мы там остановились? А-а, кажется, на смысле жизни...

– Вы, люди, пока живёте, не чувствуете своей собственной жизни, и даже находясь в коме, продолжаете игнорировать жизнь, – отозвался на приглашение к диалогу Ф-2.

– Что-то раньше ты меня такими суждениями не вразумлял, это тебе здесь уже подсказали? Кстати, как это место называется?

– Твой знакомый призрак дал уже название – твоя кома, поэтому как хочешь, так и называй. А по суждениям – один скриптор изложил свой скрипту текстом, я и ознакомился.

– Выходит, что я не писатель и не графоман для тебя, а скриптор. Забавно. А что же ты раньше мне об этом не говорил, когда я тебя спрашивал?

– С таким сценарием недавно познакомился. Да и твой призрак не прав, называя меня фальшивым фантомом, но с Ф-2 он угадал или лукавит, зная наше предназначение.

– И...

– Фисковый фантом, мы хранители энергетического конфиската, такая, знаете, миниказна.

– Тогда должен быть самый главный казначей, кто вами управляет.

– О нём мы не смеем говорить, он смысл вашей жизни. Самое главное в вашей жизни – это встреча с ним. Кто-то встречает его ещё живым, а кто-то потом..., но встреча происходит всегда.

– Здесь я могу возразить – самое главное в жизни у всех разное.

– Ты ошибаешься, оно всегда лишь одно, а разное – это суета.

– Почему ты раньше не говорил со мной так?

– Мой образ говорил только то, что хотел услышать ты.

– А здесь, значит, ты больше самостоятелен?

– Здесь я отвечаю на твои вопросы в контексте твоего положения. Твоя душа мается, ища что-то, а ум твой не разумеет, что ищет она оправданий, помогая ему, ведь он спаситель, а не судья и не палач.

– Лучше подскажи, когда всё это началось со мной.

– Вернись в начало, это там, где никак не хотел очутиться снова.

Владимир оглянулся на мерцающую картину жизни конца девяностых. Ему не хотелось оказаться там, но вброс требовательно подталкивал его к такому шагу: «Иди и смотри!» Как только колебания в сомнениях усилились, картина втянула его в себя сама, он даже охнуть не успел, как очутился снова в том непростом стрессовом как для него, так и страны периоде.

Глава 2

В то время, на меже столетий, дресс-код Ежова ничем не отличался от одежды обычного служащего, можно предположить, что его не было вовсе, но он был. Так же можно сказать и о самом Ежове Владимире Львовиче: «Внешность его ничем не выделялась из монолитной массы физически здоровых, ещё далёких от пенсионного возраста людей, по мере сил своих и возможностей добывающих средства на жизненное существование». Росту он был среднего, темноволос, с приятным манекенным лицом мужчины от природы правильного телосложения, общительный и улыбчивый в свои тридцать с хвостиком лет. Но не только во внешности заключалась его индивидуальность, а в том, что он в это сложное время сумел найти место у трудового пирога, оставаясь в душе мечтателем и фантазёром, а не прагматиком, хранил веру, что может всё, оттого и заразился необычным хобби – сочинительством. В народе это называют графоманством, но Владимир оспаривал такой термин применительно к себе, утверждая, что пишет он не так и много, и сам процесс изложения фантазий на бумагу ему нравится, а что не публикуют, так ещё нет писательского совершенства.

Его рабочий гардероб комплектовался пиджаком тёмно-оливкового цвета в мелкую крапинку, двумя чёрными брюками, одни в ёлочку, другие с фактурной полоской, набо-

ром сорочек, начиная с белых и заканчивая цветными одно-тонными, несколькими галстуками. Всё было недорогим, но выглядело стильно, брюки отутюжены, рубашки и галстуки обновлялись каждые два дня, спасибо супруге, за его внешним видом она присматривала строго.

Приходя пять раз в неделю к девяти часам в офис и усаживаясь за компьютерный стол, Владимир Львович всем своим внешним видом создавал ауру услужливого офисного планктона, готового на самопожертвование первому встречному киту бизнеса, случайно или намеренно заплывшему в море интересов их фирмы. Но, однако, первым делом он проверял электронную почту, сначала личную, а затем корпоративную. И в этом он не был одинок. Такое его отношение поддерживало и «Русское радио»: «В первую очередь исполняй служебные дела, а личные – безотлагательно!» Вот так произошло и в начале апреля. Привычно расстегнув пуговицы тёмно-оливкового пиджака и откинув полы, поправив чёрные брюки с фактурной полоской, чтобы не сильно деформировались от сидячей работы, устроившись за монитором и слегка ослабив давление узла иссиня-чёрного в мелкую белую крапинку галстука, под синим воротом, он открыл электронный ящик, а там, наконец-то, долгожданное письмо от редактора.

«Здравствуйте, Владимир.

Евгений Швец передал мне «Матрёшку» для работы. Текст интересен, небанален, но недостатков тоже много (что

обычно).

1. Начало затянуто. Интересно читать где-то с 7-й главы. Подробное описание быта мне любопытно, но вряд ли большинству читателей. Первые 42 страницы можно сильно(!) ужать.

2. Я сам пишу и общаюсь с читателями, и мне кажется, что вначале герои поданы скучновато для молодёжной аудитории. Для молодых читателей лучше персонажи «круче» и эмоциональнее, с кем сразу захотелось бы себя отождествить. Потом-то герои разворачиваются.

3. Текст нуждается в корректуре. Примеры ошибок на с.27–30 (надо включить панель «Рецензирование»). Если «рябой», то уже подразумевается лицо, на «кустарниках» напрасно взгляд спотыкается. До этого – то «председателя», то «председательской». Правильно тогда «жене председателя», а «председательша» и молодежь не выговорит, кстати, как и «аркано-эгрегор».

4. Желательна, хотя не строго обязательна, редактура стиля. Пример на с.99. Хотя сырых в этом плане произведений сейчас печатается много, но многословие убивает энергетику текста.

5. Самое серьезное — по сюжету. Молодежь использует обычную в то время новую технику. Они приобретают необычные свойства, подслушивая мысли, и это надо объяснить. Первое объяснение — аркано-эгрегор. Но это тоже обыденно в 2030-м, и дополнительно привлекается камень

– он же Аркан. Т.е. имеем аркано-эгрегор, особый камень и Аркана, плюс ещё и отец Иван по прозвищу «Нулевой Аркан»... А читатель не запутается, ведь недаром «бритва Оккама» советует не умножать сущностей? Хотя камень дан в самом начале, но природа остается неясной. Откуда? С какой целью? Почему Аркан (кстати, неудачное имя, на мой взгляд, липкое и неприятное, хотя...), и как связан с мифом? Раз заложен в здании, и даже в окрестностях подобного не происходит, как действует в Красноярске? Много вопросов, на которые читатель не получает ясного ответа. Возможные решения — либо сфокусироваться на Аркане, родоначальнике всех игроков, и когда аркано-эгрегор отслеживает мысли картёжников, то притягивает и «дурные», формируемые Арканом, так что тот вступает в игру. Либо на камне — какой-нибудь дар созвездия Стрельца для вразумления людей не играть с сущностями. Но Аркан интереснее. Тогда не хватает сказочки про Аркана, не все знают, кто таков. А если её в начало, что будет интереснее выпивающих рабочих на стройке у камня?

6. Еще по сюжету. Чтобы синхронизировать мыслепотоки, Алёнка должна знать о периоде существования Аркана. С каких времён он ведёт отсчёт? Кстати, почему бессознательные, со времен Фрейда укоренился взгляд, что оно бессловесно, а тут крайне рационально. Скорее уж сверхсознательные.

7. Алёна уезжает на острова с отцом, но там его не оказы-

вается. В конце романа повтор 3-х страниц текста. Сюжетный ход или случайность?

В общем, роман можно доработать, и получится неплохо — не банальная фэнтези или космическая опера. Но поскольку недостатков хватает, и не все упомянул (это не развернутая рецензия), то, возможно, лучше обратиться в творческое агентство «Симпис», информация на сайте. В нынешнем сыром виде издательству публиковать не рекомендую. Да и вам зачем, если можно сделать лучше? Кстати, после этого составить и синопсис, пока скорее аннотация.

С уважением, Александр Ивушкин».

Знакомство с письмом ввело Владимира Львовича в недоумение. Как воспринимать отзыв? Радоваться, что кто-то скрупулёзно ознакомился с его творчеством, или уже посыпать голову пеплом – разбили-то в пух и прах. Лишь подтвердилось утреннее ощущение, начало дня будет сюрпризным. «Ну, это кто на что горазд, – мыслил Ежов, – тот так и назовёт!» Захотелось немедленно обсудить тему: «Да, инфы маловато, есть потребность обмозговать!». Оторвавшись от монитора, Ежов бросил взгляд напротив, через небольшой проход. Коллега по работе Сёмкин был слегка в курсе творческих потуг Ежова, даже иногда почитывал творенья, давая потом советы человека со стороны. «Анатольич», так величал Виталия Сёмкина Ежов, в этот момент сидел за своим столом без дела, но как на взводе, чем-то озабоченный.

По образованию Ежов – физик, но, как у них говорили на

курсе: «Физики и лирики в одном загоне...» Несколько лет он проработал по специальности инженером в НИИ «Радиоэлектроники», но потом настали девяностые, безденежные годы, всем пришлось как-то выживать, и Ежов неожиданно, стал администратором по работе с арендаторами. Институт сдавал свои помещения под офисы коммерческим структурам, а те не особо спешили расплачиваться за аренду. Штатный зам по хозяйству завалил весь процесс сбора денежных средств, а с финансами в институте, да и в стране в целом, напряжёнка, а тощий бюджет – нет зарплаты, т.е. она как бы есть, но фактически её нет. Как-то зам ушёл на больничный. Ежова приказом назначили ответственным по работе с арендаторами. На новом поприще Владимир Львович успешно развернулся, нашёл индивидуальные подходы, лично общаясь с руководителями фирм, много делал рассылок и напоминаний об оплате с оригинальными текстами. С Сёмкиным знакомство отметил бутылочкой вина, в такой приватной беседе и получил приглашение в коммерческую структуру. Безденежье вынудило его согласиться, и вот уже почти год он тянул административную лямку за нормальную зарплату, и пока не жалел.

Офис их фирмы состоял из набора разноплановых помещений в высотном здании НИИ «Радиоэлектроники». Институт один подъезд многоэтажки выделил под арендаторов. Фирма «Конвертор», где вторым помощником руководителя соизволил трудиться Ежов, на тринадцатом этаже занимала

несколько отдельных и смежных комнат вправо по узкому коридору от лифта. Рабочие места Ежова и Сёмкина, первого помощника президента, лишь слегка отделялись тонкой стеклянной перегородкой от квадратной и просторной приёмной. Секретарши у начальства не было, её обязанности и кадровика по совместительству исполнял первый помощник. У их отдельной «застекольной конуры» не было даже двери, и широкая арка позволяла с рабочего места Сёмкина наблюдать за дверью в кабинет шефа и за входом из этажного коридора в самую приёмную. Виталий Анатольевич был одноклассником шефа, видимо, роль Санчо Пансы ему нравилась ещё со школьной скамьи, хотя их руководитель никаким образом не походил на Дон Кихота.

Вот и в это утро, сцепив пухлые пальцы и опираясь локтями о стол, в коричневом с тёмной полосой и широкополом пиджаке, в позе неврастеника сидел и дрыгал ногами Анатольевич, да так, что его толстые ляжки в брюках тряслись, как незастывающий студень у неумелой хозяйки. При этом он нервно посматривал в сторону двери начальства, иногда проворачивая бычью шею в дресс-кодовых тисках белого ворота и бросая бесцельные взгляды на Ежова. Владимир Львович, поймав такой мимолётный сканерный бросок, пригласил коллегу:

– Иди! Зацени!

Седоватый Анатольевич резво поднялся и, подойдя, встал за спиной Ежова. Владимир Львович отклонился для удоб-

ства читающему, да и его самого интересовала мимика Анатолевича. Но Сёмкин в процессе лишь хрипловато дышал над ухом, не торопясь, фильтруя письмо редактора и напрягая Ежова табачным запахом. Его сорокапятилетнее серое лицо, до синевы выбритое вокруг рта и на массивном подбородке, с крупным носом, чёрными лохматыми бровями, мешками под глазами, плавно переходящими в широкие обвислые щёки, будто те раскатали скалкой, как тесто под пельмени, словно застыв на морозе, ничего не выражало при чтении. Ежов, не вытерпев, спросил первым:

– Ну, что скажешь?

– По-моему, тебя послали, хотя и не факт... – многозначительно изрёк Анатолевич, выпрямляясь и поправляя большой узел тёмно-бордового галстука, – но меня сейчас беспокоит другое, оттого затекстовую мысль не улавливаю.

– Я и вижу, ты сегодня с утра не в себе.

– Забыл предупредить шефа, что москвичи приедут с утра, а не в обед, – прояснил свою озабоченность Сёмкин.

– Ну и что, ведь не приехали ещё?

– Звонили, едут, – отвечая, Анатолевич возвратился на своё рабочее место.

– Предупреди сейчас.

– Поздно, на ковёр Сашеньку вызвал...

– Ну и что, сильно зверствует?

– Иди, послушай...

Владимир Львович, не имевший привычки подслушивать,

но всегда доверявший Сёмкину, зная по опыту, что тот не станет на чём-то понапрасну заострять его внимание, моментально переключился на офисную тематику. Забыв о личном, он вышел в пустующую приёмную и мягко, будто артист на сцене для зрителей, подкрался к двери начальника. Ожидал услышать повышенный тон и мат, а тут... постановление в такт ритмичному поскрипыванию... И в этот напряжённый момент, у стоящего сзади Сёмкина заработал рингтон мобильного, звонили с вахты первого этажа, как обычно предупреждая по телефону о посетителях, но эффект создали грандиозный. Лицо Анатолиевича ещё больше посерело, можно сказать, что оно на глазах поменяло цвет с синюшного на белый.

– Выручай, дружище! – взмолился Сёмкин, уставившись безумными глазами на Ежова.

– Так что делать?! – слегка запаниковал и Ежов.

– Давай к лифту и покатайся! – скомандовал Сёмкин и, в качестве напутствия, стукнул Владимира между лопаток тяжёлой пятернёй так, что из тёмно-оливкового пиджака Ежова вырвалось серое облачко пыли, как мука из халата мельника, будто всё не вычищенное супругой за год собралось в месте удара.

Владимир Львович метнулся по коридору, как школьник на переменке после звонка, словно ему не тридцать лет с хвостиком, а тринадцать-четырнадцать. Замедлился уже в лестничном вестибюле. У дверей лифта стояли двое: моло-

дая сотрудница в мини-юбке и полупрозрачной белой кофточке, рекламный агент из соседнего офиса, и мужчина с деловой сумкой на правом боку, едва цепляющейся длинным ремешком за плечо, скорей всего, её клиент. Поздоровавшись, Ежов поинтересовался, давно ли ожидают лифт. «Минуты три стоим», – ответила девушка, переступив красивыми ножками в чулках телесного цвета. Владимир Львович, не раздумывая, рванул обратно, но не в приёмную, а напротив, по коридору – в бухгалтерию, где и начальствовала Александра Александровна.

– Девчонки, спасайте! – с порога крикнул он двадцатилетней румяной Инночке и миловидной, полненькой и уже давно перешагнувшей последний рубеж бальзаковского возраста Марии Ивановне.

– Вытащите свою начальницу под любым предлогом от шефа, мы с Сёмкиным не можем, ибо с раннего утра биты Евгением Иванычем, а тут к нему гости внизу из Москвы, а он не знает, – импровизировал на ходу Ежов.

– С вас шампанское! – деловито произнесла кассир Марья Ивановна, и её правая рука, вся в кольцах и перстнях, потянулась к телефону.

– Коньяк, что вы задолжали нам, пойдёт в зачёт! – торговался Владимир.

– Хорошо, – согласилась кассирша, поправляя мелированный локон, прежде чем приложить трубку к уху.

Ежов не стал слушать телефонной беседы, вернулся в при-

ёмную. Минут через пять из кабинета шефа вышла пунцовая главбухша, в тон своего эффектного малинового платья прямого покроя с вырезом горловины «лодочка» и рукавами три четверти. Не поднимая глаз, с прижатой к груди чёрной папкой и с телефоном в руке, она стремительно шагнула в коридор чёрной остроносой туфелькой на среднем каблучке, в проёме кокетливо мелькнул хвостик её рыжей косы с фиолетовым бантиком на конце. Вид у неё был приличный – не потрёпанной курицы, как ожидалось Ежову, ведь её приверженность к женственному стилю и положение в фирме не позволяли рассчитывать посторонним на иное видение. «В этом и есть вся Сашенька! – восхитился Владимир, а затем неожиданно подкорректировал ход своих мыслей, бросив взгляд на сексуальные ягодицы под малиновой тканью, оценил: – Шурочкино кредо!» Сёмкин тут же нырнул за двойные двери начальственного кабинета исправлять положение с московской делегацией.

Вечером Сёмкин проставлялся за спасение бутылочкой сухенького. Это было обычным делом, как и во многих фирмах, слегка расслабиться после напряжённого трудового дня. «Релакс» – дал меткое название такому процессу Сёмкин. По негласной традиции пить пиво в офисе запрещалось. «У нас не пивнуха», – ругался шеф. Крепкий алкоголь – только на троих. Начальство иногда возглавляла Релакс, и тогда опустошался шкалик коньяку или водки. Были совместные процедуры с бухгалтерией – здесь варианты: шампанское,

коньяк или то и другое. Сегодня пили вдвоём, все уже разошлись, оттого благородное вино и минимум сервировки, закусывали шоколадкой. Естественно, разговор пошёл о начале рабочего дня...

– Вот ты в писатели стремишься, – после первого осушительного глотка заговорил Анатольевич, – а простых вещей в людях не замечаешь. Нужно тренировать взгляд, любить подсматривать за людьми, как делал Максим наш Горький, всегда в жизни пригодится, да и для писателя самое то.

– Я в жёлтой прессе не собираюсь авторствовать, – защищался Ежов. – Да и не видно, что они любовники...

– А они не любовники...

– То есть как?

– Я и говорю, нужно быть проницательней, – продолжал туманно изъясняться Сёмкин.

– Анатолич, не води за нос, выкладывай! – потребовал Ежов.

– А что тут выкладывать, гарем у нас производственный, – просто и без затей охарактеризовал ситуацию Сёмкин. – Раз-два в месяц имеет каждую сотрудницу фирмы, заметь – на добровольной основе. Так он депрессию гасит.

В мыслях Владимира Львовича моментально развернулись сексуальные образы не кокетливой Инночки, а аппетитной Марьи Ивановны, сорокапятилетней молодой бабушки с закруглёнными формами. Он уже хотел уточнить у Сёмкина о кассирше, но тот опередил его:

– Да-да, все без исключения, кто не желает – на выход...

– Думаешь, почему у нас нет секретарши? Этот тип работников, что жёны дома, ревнивы и скандалистки. Были у нас до твоего прихода две попытки завести их – не сложилось, не выдержали, начали склочничать, пришлось уволить.

– Мрак!

– Ты смотри там не вздумай писать на такую тему, – предупредил Сёмкин.

– Я пишу фантастику, проза меня не интересует.

– А тут жизнь, как фантастика, – засмеялся Анатольевич, разливая остатки вина по фужерам. – Давай лучше твоим ответом из редакции займёмся, там мысль какая-то за текстом, словить её утром пытался...

Допив вино, они стали заново просматривать рецензию.

– Ну, я же говорил, разводят тебя на деньги, направляя в агентство.

– Я думаю главному написать, прояснить статус этого Ивушкина.

– Вот это правильно, так и действуй. А вообще, тебе с этим Ивушкиным нужно дружбу заводить, я советчик плохой, – подытожил Сёмкин. – А, что домашние?

– Для них я – белая ворона со своими писаниями, прослушать даже не хотят, не то что читать.

– Понятно, значит, я слушатель для тебя, как в том фильме.

– Выходит так.

– Замучаешься проставляться, – засмеялся Сёмкин, обнажив редкие зубы с желтоватым налётом, то ли от табака в связи с многолетним курением, то ли от чёрного крепкого чая, употребляемого многократно за день, но уж точно не от спиртного. Разве может сухое столовое вино, употребляемое пару-тройку раз в неделю, так раскрасить зубы? «Да, ни в жисть!» – так ответил Анатолевич, если бы его спросили на такую тему.

«Здравствуйте, Александр Владимирович.

Огромное спасибо за отзыв на мою работу, как я понимаю, Вы могли его мне и не прислать.

В основном я согласен с вашими замечаниями и постараюсь их исправить (уж там как получится).

Пишу по горячим следам, оттого, возможно, эмоционально, но так как у меня нет опыта общения в таких случаях (с рецензентами, корректорами и редакторами), кажется, что отвечать должен немедленно.

Теперь по существу отзыва.

Мне хотелось уточнить по началу, которое затянуто, а именно – тексты про Древний мир и историю карт также подлежат сжатию?

Про повтор трёх последних страниц – досадная случайность, подгонял под технические требования издательства и вставил текст дважды (поверьте, сам озадачен).

Про Аркана. Аркан – это «камень» на душе человечества, который уже не убрать. И он должен быть, иначе забудут.

(Здесь символизм, хотя блуждающие камни в действительности на земле присутствуют.)

По мифологии бог наказал Аркана бессмертием, но ему нет нигде места, он «неприкаянный». Значит, его не должно быть ни в «правильном мире», который каждый пытается создать для себя, ни на «грешной земле», тогда получается, он где-то на «переходе».

Есть объяснение на стр. 176 про Аркана в диалоге Алёны и Зелёновы, почему он оказался в Красноярске.

В принципе идея развернуть в прологе «сказку» об Аркане интересна, но вот что выходит, пропадет таинственность, всё жевано и пережёвано, а так, глядишь, полезут молодые в «Инет» искать, кто такой Аркан, и пойдут дальше по цепочке.

С уважением, Владимир Ежов».

Анатольевич одобрил послание рецензенту, называя его на свой манер – рецензором. Составили письмо и главному редактору, на том и остановились. Вино закончилось, и время поджигало, пора по домам, семьи ждут.

Уже на следующий день пришёл ответ от Евгения Швеца, обязывающий Владимира Львовича работать с ответственным редактором Ивушкиным.

А через пару дней получил ответ и от Ивушкина. И вот тут-то у них пошло дело...

«Здравствуйте, Владимир!

[RE (цитата из предыдущего письма): Мне хотелось уточ-

нить по началу, которое затянуто, а именно, тексты про Древний мир и историю карт также подлежат сжатию?]

Не думаю – это интересно. Но сюжет должен раскручиваться с первых страниц, как в детективах. И какие-то провалы и неумелости героев при знакомстве с персонажами надо оставить, так достовернее. Мастерство автора в том и заключается, чтобы «закрутить» сюжет.

[RE: Про Аркана. Аркан – это «камень» на душе человечества, который уже не убрать. И он должен быть, иначе забудут. (Здесь символизм, хотя блуждающие камни в действительности на земле присутствуют.)

По мифологии, бог наказал Аркана бессмертием, но ему нет нигде места, он «неприкаянный». Значит, его не должно быть ни в «правильном мире», который каждый пытается создать для себя, ни на «грешной земле», тогда получается, он где-то на «переходе».]

В романе этого нет, вот из этого можно развернуть историю об Аркане. Одно "но" – роман научно-фантастический, а бог уже мистика. Из смешения жанров хорошего не получится, недаром Аркан у вас оставлен в тумане. Тут нужно что-то придумывать.

[RE: Есть объяснение на стр. 176 про Аркана в диалоге Алёны и Зеленовы, почему он оказался в Красноярске.]

«Тех, кто бывал на переходе, Аркан не оставляет в покое»? А почему?

[RE: В принципе идея развернуть в прологе «сказку» об

Аркане интересна, но вот что выходит, пропадет таинственность, всё жевано и пережёвано.]

Да, в начале лучше загадочнее. С подробностями об Аркане и другом карточном раскладе Алёна может в «параллельном мире» ознакомиться, но это тоже будет «сказочка». А окончательное разъяснение в финале.

[RE: ...а так, глядишь, полезут молодые в «инет» искать, кто такой Аркан, и пойдут дальше по цепочке.]

В конце романа надо расставить точки. Кто убийца, кто Аркан, и зачем всё это? Иначе никуда не полезут.

Успехов в работе, Александр».

Пришлось Ежову соглашаться с Ивушкиным. А что делать? Сотрудницы фирмы принимают условия шефа – получают хорошую зарплату, так и ему: чтобы продвинуться к публикации, придётся поступиться принципами и писать под диктовку ответственного редактора. Начальник Евгений Иванович – милый пятидесятилетний толстячок с надутыми щеками и тонкими мускулистыми конечностями, про таких в народе говорят: «Пузырь на палочке». Его круглое туловище с первым номером размера груди, широкая спина с отсутствием признаков талии, не безобразный, но заметный животик, для солидности, как он сам поясняет, вступали в диссонанс с худыми ягодицами, одним словом: узкая попа соответствовала юношескому возрасту. Рыхлое лицо с плавными закруглениями, бегущие карие глазки – маленькие пуговки, красные белки, как у поросёнка, когда употре-

бит спиртное, массивная шея и второй подбородок. Не мачо, толпы женщин на него не бросаются, хотя отталкивающим облик его не назовешь, есть в нём какой-то скрытый природный магнит. Но он постоянно подвержен депрессиям. Ему, видите ли, жить не хочется, соответственно, и работать. И вот нашёл способ бороться с недугом. Так и Ежову, чтобы избавиться от душевных терзаний, стоит пошевелить серым веществом для выработки правильных текстов. Проза жизни.

От всплывшей рефлексии Ежова мир вокруг не менялся, наоборот, он как бы призывал Владимира: «Оглянись, ты же такой, как все, из крови и плоти, не будь инородцем, шагай со всеми в ногу». Но на душе было беспокойно, а в голове бродили странные мысли: «Графоман снаружи оплёван, но чист внутри, а писатель причёсан и надушен, но непонятная сила сжимает грудь, пытаюсь выдавить что-то инородное из сердцевины, стискивает так, как пальцы юноши прыщ на лице, пока тот не взорвётся содержимым».

«Бред какой-то! Откуда мне это знать? Писателем я никогда не был», – гасил непонятные мысли Ежов, но получалось как в поговорке – пожар керосином не тушат.

На работе всё по-прежнему: советовался с Сёмкиным, проставляясь за прослушивание; стал более проницательным – не пропустил терапевтический сеанс шефа с Марьей Ивановной. В отличие от своей начальницы, кассирша вышла счастливая, с достоинством поднимая подбородок, с

блеском в прищуренных глазах и едва заметной улыбкой на сжатых губах. «Ну прямо Джоконда», – Ежов мысленно в тот момент сравнил натуру с портретом выдающегося художника. Её полноватое фигуристое тело при ходьбе радостно подёргивалось в утягивающем трикотаже тёмного платья классической длины. Вечером Анатолевич ненароком поведал то, что нечаянно обронил ему шеф. На вопрос Ежова о критических днях сотрудниц, Сёмкин изрёк: «Так у них и другие отверстия имеются...»

Промучившись с неделю и ощутив дрейф в сторону писательского контента, Ежов внёс коррективы в процесс: перекроил заново миф, отчитался письмом редактору.

«Здравствуйте, Александр Владимирович.

Примите, пожалуйста, мой краткий отчёт о проделанной работе над ошибками.

В борьбе со стилистическим многословием добрался до 20 главы, а там «Миф о творце», теперь уже можно сказать, камень преткновения.

Отталкиваясь от пятого пункта Вашей рецензии, я переделал этот миф в соответствии с замечаниями, думаю оставить его на прежнем месте, в 20 главе. Хотелось бы узнать Ваше мнение о выполненной работе (миф отдельным приложением в файле «Аркан»), это позволит мне двигаться дальше. Для информации: сократил начало (описание быта деревни), объединил главу 3 и 8. Но самое главное и «серьёзное» – это миф, если Вы его одобряете, то я пойду дальше,

поэтому жду вашего слова.

С уважением, Владимир Ежов».

Мучительно дожидался ответа, заряжаясь терпением и мужеством от взглядов сотрудниц. Теперь ему казалось: они знают, что он в курсе их дел...

Привыкая к новому психологическому климату, Владимир Львович стал попадать в неловкие ситуации. Общась с Александрой Александровной, обронил невзначай: «У вас критические дни?» Молодая женщина резко повернулась. Её вытянутое лицо с длинным носом, с полноватым, мясистым кончиком, средними крыльями и маленькими ноздрями, с ровной кожей, но неоднородными и частыми веснушками встрепенулось и замерло. Левая бровь слегка опустилась, то ли под воздействием спадающей рыжей массивной чёлки, то ли от формирования мимическими мышцами пристального взгляда зеленоватых глаз. После заметной паузы она уточнила: «Откуда вам известно? И что вы имели в виду?» Стусевавшись и краснея, Ежов пояснил: «Я о чёрной полосе в жизни...» Над ним посмеялись: «Жаль, у мужчин нет критических дней. Они бы не путали... белое с чёрным!»

Назвать несчастливым данный отрезок жизни Ежов не мог, формулировка «критический» подходила ближе. «Жаль, что женщины заняли такой термин!» – сетовал Владимир Львович. Ответ пришёл лишь через двадцать дней.

«Здравствуйте, Владимир!»

[RE: Я переделал этот миф в соответствии с замечаниями,

думаю оставить его на прежнем месте, в 20 главе. Хотелось бы узнать ваше мнение о выполненной работе (миф отдельным приложением в файле «Аркан»), это позволит мне двигаться дальше.]

Извините за задержку с ответом. Миф прочитал – не понравился. Решил повременить, но перечитал, и впечатление то же.

Я упоминал про бритву Оккама – не надо умножать сущностей. Но вместо упрощения появляются Демиург, Рода, Правд, и всё еще более запутывается. Вспомните миф об Агасфере – всё просто. Почему бы так не об Аркане?

[RE: Для информации: сократил начало (описание быта деревни), объединил главы 3 и 8.]

Сокращение не самоцель, главное – удержать внимание читателя. Зацепили в начале, прочитал он сколько-то страниц, и надо обновление – удержать это внимание дальше. О построении сюжета целые книги пишут. К сожалению, так тщательно работать с вашим романом у меня не получится – просто нет времени.

С уважением, Александр».

Да! Путь к признанию оказался на самом деле тернист. Не представлял Владимир Львович такого поворота, не думал, что придётся ломать себя. И Сёмкин, чувствуя почтовый нерв, вскользь намекнул: не пора ли определяться, отбросив надуманное, продолжить вести привычную жизнь...

Но не удавалось Ежову отбросить дурацкие предрассуд-

ки – если стремление к писательству можно так называть. Есть сила воли и понимание текущего момента. Сумел же он преодолеть неприязнь к сотрудникам из-за вновь открывшихся фактов. Простил им всем скелеты в шкафу, хотя и не было у него самого ни шкафа, ни тараканов в голове, но душа-то ныла... Делались попытки не писать, выбросить из головы навязчивые идеи, проследовать из варяг... в князья, то есть из графоманов в писатели... Да! Он уже и квалифицировал себя. Сёмкин поддержал его в этом... опять! Ему казалось, что это самообман: тревожные ощущения проходят не от процесса изложения мыслей на бумагу, а сами по себе, когда о них перестаёшь непрестанно думать, занимая голову текстом. Но... Душа ныла и постанывала, как слабо-больной зуб, вытягивая по ниточке, по волосинке терпение, и когда оно кончалось – дорога к врачу как спасенье. Так и у Ежова: когда сил терпеть не оставалось, то клавиатура и курсор – снимали напряжение. И Владимир Львович снова проявил слабость, продолжил дружбу с графоманией. Его «Матрёшка» ожила, роман в письмах продолжился, подспудно чувствовал – разборных кукол намного больше, чем эти две вскрытые.

«Здравствуйте, Александр Владимирович.

Высылаю Вам отредактированный текст и новый синопсис. Надеюсь, что они стали лучше, потому как исправления вносились согласно вашим рекомендациям.

По поводу бритвы Оккама... У нас просто разные систе-

мы взглядов. У Вас присутствуют принципы методологического редукционизма, принцип бережливости. Когда я придерживаюсь нового холизма, т.е. всё, что уже есть, оно должно быть, и неважно, что мы не можем это объяснить методом логики, значит, метод выбран неправильно или несовершенен.

Для примера можно взять аппендикс у человека. Каково его предназначение в нашем организме? Согласно бритве Оккама, он просто не нужен: не выполняет никакой функции и является эволюционным пережитком. Но время идёт, и теперь это представление уже считается устаревшим. Так что я поддерживаю взгляд Аристотеля: «Целое больше суммы отдельных частей».

По поводу Аркана и камня. Камень – интерфейс между мифом и реальностью, т.е., кроме символизма, о котором я писал ранее, ещё один удалённый план, объединить реальное с нереальным. Видимо, мне это не удалось, и Вы на это прямо указали. Зачем пишу об этом? Чтобы меня поняли, не мой текст, а меня – автора, почему именно так, почему упирался... Возникает вопрос, зачем исправлял? Так это я к Вам, а не Вы ко мне, и потом, опыта-то нет. Мне почему-то кажется, что моя искренность действительно внесёт ясность и позволит Вам по-новому взглянуть на моё творчество.

По синопсису.

Синопсис состоит из трёх частей, первые две – требования издательства, от них никуда не уйдёшь, ну а третья часть,

собственно, и есть обозрение всего романа. Вам судить, насколько она удачно излагает сюжет произведения.

Надеюсь, что наше сотрудничество не стало для вас обузой, я старался не докучать Вам своими комментариями, но и без них, согласитесь, тоже не обойтись. Какое бы решение Вы ни приняли по тексту, Вам большое спасибо, что приняли участие в его обсуждении, ведь на это, кроме времени, всегда должно быть желание, и оно у Вас было, так мне показалось. А для начинающего автора это уже многое значит.

С уважением, Владимир Ежов».

Интуитивно Ежов ощущал: что-то идёт не так, как должно. Продолжая переписку с редактором, чувствовал и внутреннее раздвоение. Как в народе говорят: на кол не сесть – и рыбку не съесть. Так вот – присаживаться не хотелось. Уступить далее не имело смысла, текст менялся до неузнаваемости, становясь чужим и неинтересным самому автору. Переписанный не один раз – по Толстому: «...с кровью и мясом в чернильнице!» – текст превратился в того самого духа-надсмотрщика, но уже не мистического, а вполне реального. С укоризной говорящего: «Зачем?! Покориться ради публикации? Кому она нужна тогда!»

Но малюсенькая надежда ещё теплилась: вот откроется вторая кукла, и осчастливит взор расписная удача-девица, получит он своё авторское удовлетворенье, и перестанет грызть его дух-самоед. И он продолжал верить в чудо, а переписка измывалась, как проститутка над юнцом с папины-

ми денежками в кармане, зная наперёд, что куш достанется ей задаром, чуть-чуть лишь испачкаются простыни от поллюций.

«Здравствуйте, Владимир.

[RE: Высылаю вам отредактированный текст и новый синопсис. Надеюсь, что они стали лучше, потому как исправления вносились согласно вашим рекомендациям.]

На серьёзную переработку романа надо куда больше времени. Просмотрел – чуть лучше, но прежние вопросы остались и появились новые. Зачем в интродукции внук шамана, какое отношение он имеет к основной проблеме романа? Почему какой-то другой Аркан? Так и не прояснен конфликт. И т.п. Это в советские времена над текстом работали литконсультант, редактор, корректор, и все получали жалованье. Сейчас так не будут. Возьмите книгу по технике письма, например Н.Басова "Творческое саморазвитие, или Как написать роман», – и, если последуете рекомендациям, должно получиться. Или в ТА "Симпис", может, кто захочет подрабатывать. У меня времени нет.

Всего наилучшего, Александр».

С интернетом хорошо. Любую книгу достать можно. Последовал совету, обзавёлся Басовым, пока читал – душа терпела. Сёмкин даже заинтересовался: «Почитаю и я на досуге!» Когда Владимир Львович ознакомился, появились новые мысли – воплотил их в текст. Помялся, помялся и снова

полез в пасть крокодила.

«Здравствуйте, Александр.

Вы, наверное, успели позабыть о моём романе «Матрёшка», но я решился Вас побеспокоить в крайний раз (слово «последний» у многих не в чести), так как Вы единственный из профессионалов, кто читал мой текст полностью. В соответствии с Вашими рекомендациями я проштудировал Н. Басова «О творческом саморазвитии...», полезная книга, сделал правки в тексте. Теперь конфликт прописан чётче, устранена ошибка «Острова сокровищ», выкристаллизован новый Аркан (я вернулся к истокам первоначального варианта и там сделал изменения), поменялась интродукция и, соответственно, синопсис.

Если у Вас есть возможность, пожалуйста, посмотрите, что получилось, если нет, то так и ответьте, чтобы я не ждал.

С уважением, Владимир Ежов».

Ответ пришёл лишь через месяц. Ежов уже и не ждал. Трудился на работе, оглядываясь, казалось, на оживший текст романа, с укоризной твердящий: «Не бросай! Я часть тебя! Я твой, не предавай себя!» Тогда же он сделал попытку разбросать новую версию книги по другим издательствам. Но везде разная специфика, не все занимаются фантастикой. Да и там, где берут на рассмотрение произведения такого жанра, свои особенности. Владимир Львович понимал, что с отсутствием библиографии на его творческом пути шансы на успех минимальны. Таких произведений, сделанных по

лекалам Басова, множество. Печатают только проверенных, остальные перебиваются самиздатовскими сайтами. Кто-то смирился, некоторые участвуют в различных литературных конкурсах, кусая там, в комментариях, всех подряд, другие таятся и сопят, как и он, продолжая упорно надоедать издательствам.

Сёмкин, доморощенный психолог, не докучал, ну а дома – тем более. Тут объявился Василий Заболотный – друг институтский, уже доцент, позвонил неожиданно.

– Вовка! Ты куда пропал? – верещал он в трубку. – Год, два, наверное, да какой там – больше. С той рыбалки не виделся. Чем занимаешься? Как дела, семья?

– Нормально всё, дел – по горло. Вот на рыбалку что-то и не тянет.

– Ты там случайно любовницу молоденькую не завёл?

– Хуже! Но по телефону не расскажешь.

– Так давай, пересечёмся, в баньку ходим...

– Сейчас нормальных саун-то не осталось, подхватишь какую-нибудь заразу ненароком, лечись потом, – отбивался Ежов.

– Не скажи! Тут я старенькую парилку открыл, капремонт в ней сделали, пока нормально. Приглашаю в выходные, попаримся, посидим, пообщаемся... Как, а? – наседал Василий.

– Нет, сейчас не могу. У меня это – критические дни. Может, позже, когда настроение появится. Не хочется друзей

своим депрессняком заражать. Вот закончу одно дело – сам позвоню.

– Жду...

А сам думает: «Психология у этого дела, как у ремонта, надо прекращать – и баста!» Тут же интересная идея появилась: замутить новый роман по лекалам Басова. Даже уже и план составил, но призадумался, как так получилось, что он, не заметив, превратился в пленника неизвестно чего?

Глава 3

Копаясь в своём прошлом, Ежов ничего оригинального не обнаруживал, кроме одного: в одно определённое время с ним стали происходить приключения во сне, и эти приключения он как бы сам и устраивал. Учёные утверждают, что сны снятся всем людям, но не все их детально запоминают, а некоторые и не помнят совсем. Так вот, Владимир их помнил хорошо, и все диалоги, которые он сам и затевал во сне, всегда записывал по утрам. Эту череду снов Ежов пытался связать с тем разговором на отдыхе с Василием Заболотным, но с полной уверенностью утверждать не мог, когда всё это точно началось...

Тогда, отдыхая с другом на рыбалке, он завёл разговор о писательском ремесле. Вот, мол, интересно живут писатели, возможно, они и по рыбалкам не ездят, у них и так жизнь насыщена разнообразиями. Даже отдельные шелкопёры не скучают, только автографами швыряются и деньги по благотворительным фондам рассовывают. Он бы не прочь так тянуть остаток жизни.

– Так кто тебе мешает? – удивился друг. – Строчи пасквили и живи!

– А что, возьму и напишу роман фантастики, мне с детства нравился такой жанр, о героях удивительных, о жизни необычной за пределами обыденности, нафантазирую...

– мечтательно отозвался Владимир Львович.

На что Васёк нравоучительно возразил: «Не всё здесь просто, нужно талант иметь или, на худой конец, связь с космосом, чтобы кто-то сюжеты во сне подсказывал».

– Как это во сне? – зацепился Владимир Львович.

– Да так, как у Чернышевского: первый сон Веры Павловны, второй. Да и у многих чего во сне приходило. К примеру, водка, – Василий, изрекая и перебирая снасти, наклонился к рюкзаку и достал бутылку, подняв на уровень лица, любовался хрустальным наполнением.

– А при чём здесь водка? – не сразу включился Владимир Львович.

– Я имел в виду Менделеева, ему же таблица приснилась, – уточнил Васёк. – Вот они всё по утрам и записывали. Глядишь – через полгода и у тебя книга готова. И потом, что ты с этой рукописью делать будешь?

– С водкой ты, конечно, перегнул. Я как-то читал по этому поводу, Менделеев очень обижался за таблицу, он много лет занимался этим вопросом, и вот однажды во сне запруду и прорвало, а водку вообще изобрели задолго до него, хотя у него есть работа по изучению изменения плотности воды и спирта в разных пропорциях.

Ну, поговорили и забыли, тут как раз и поклёв начался, не до этого стало. Затем пили за улов, пошли другие разговоры – про рыбу, а потом ещё выпили – переключились на женщин, ну а в финале... О бабах и закончили.

Но всё же слова о писательской стезе запали Владимиру Львовичу... ну, не в душу, в подсознание, что ли, нет-нет, да и давали о себе знать. Он начал регулярно уделять внимание снам, которые раньше и не помнились, словно и не было их. А теперь стало по-другому, будто идёт он в спальню не отдыхать, а на интересный ночной диспут во сне, и неважно с кем, пусть даже и с самим собой, за который утром отчитаться нужно, как журналисту за интервью. Поначалу он распорядился этим не по-хозяйски, ну снится и ладно, мало ли кто во сне может в гости прийти для беседы. Но потом, часто вспоминая разговор на рыбалке о снах, Владимир Львович купил тетрадку в клетку и автоматический карандаш, решив записывать сны и сопутствующие данной теме размышления.

Начинал бессвязно как-то, бессюжетно, так, обрывки того, здесь отголоски другого, затем опомнился, догадавшись интуитивно линию выстраивать из прокрученных сцен и актов. Жена, заметив неоднократно мужа с тетрадкой и карандашом, проявила интерес: «Что ты там пишешь?» Он отнекивался первое время, так, мол, мыслям не даю пропасть, но она была настойчива. Пришлось сказать правду. Тут как раз и взрослый сын присутствовал. Посмеялись они вдвоём над ним, а сын возьми и спроси: «А для чего пишешь-то?» Владимир Львович и опешил от неожиданного вопроса, но тут пришло спасение ниоткуда – подсказка. Он и выдал, недолго раздумывая: «Коммерческий проект – денег хочу подзара-

ботать!» От таких признаний супруга и улыбаться перестала, спрятав иронию. Кто же из семейных женщин не грезит, чтобы муж больше денег в дом приносил?

Так и пошло у него легальное сиденье над тетрадкой. И быстро он её исчеркал, листов там было всего сорок восемь. Пошёл и приобрёл толстый большой ежедневник, чтобы надолго хватило. Тут сын снова вмешался: «Ты лучше ноутбук купи, там и исправлять легко, а с карандашом только зрение потеряешь».

Хорошая идея, тем более с компьютером Владимир Львович в ладах. Сделал первое вложение в коммерческий проект, купив на день рождения в кредит хороший ноутбук. Всей семьёй радовались. Теперь не нужно было клянчить у сына часочек на закидывание текстов в файлы на стационарном компьютере. Стучи себе по клавишам, сидя в уголке в кресле, никому не мешаешь и сам при деле. Стал всякими пособиями для начинающих писателей интересоваться, так и год прошёл незаметно.

И шло бы оно и далее так с мещанским уклоном, пока Владимир Львович, с подачи сына естественно, не удосужился обнародовать свои опусы. И способ доступный и простой отыскался – интернет, со своими самиздатовскими сайтами. Кто умный в Россию сподобился такую вещь протолкнуть, чтобы сбивать читающий народ на путь графоманства? Тому необходимо в ножки поклониться и руки поотбивать заодно. Однако во всяком новом деле всегда две стороны имеются,

а польза для жителей одной шестой части света на лице, в прямом и переносном смысле – это лучше, чем беспробудное пьянство от тоскливой жизненной бессмыслицы.

На этих сайтах заматерел Владимир Львович быстро, как кит планктон цедит, он текстуру фильтровать научился. На кровные творенья критически взглянул – боже мой – словно с бодуна писал, не остограммившись, и так многие, но неизвестно как другим, ему впрок пошло, даже стиль поменялся, чище и быстрее стал, читабельней. Только поселилась непонятная тревога в душе, томление что ли, и никак он не мог понять – чего страшится и о чём беспокоится. Муки совести? – не то, хотя и близко, ему не стыдно, нравственные ценности не попирает. Муки творчества? – похоже, но – нет, те в процессе работы возникают: вот здесь пошло, а там исправить, этот абзац вовсе удалить. Грызёт его изнутри в перерывах, когда не пишет, вроде как за бездеятельность, а возможно и наоборот... Непонятно ему, что это – тяга к творчеству или отторжение от процесса, гложет она и коробит его душу. Стал он читать запоем, хотя и раньше книг из рук не выпускал, но теперь совсем – до одури. Пытался найти – вдруг где проскользнут знакомые мотивы, но не попадались схожие условия, так в одном месте был намёк, но опять не факт, что ситуация идентична.

Не мог он для себя квалифицировать это расстройство: представлялся босым сапожником без обуви или как, например, не всякий доктор или знахарь свое тело понимает – от-

того вылечиться сам и не может. Не помогал и интернет, только путал. По разным описаниям многие болезни подходили, а раз все – значит, не то. Ближе всех народное – «депрессняк», но со своим непонятным разумением. А в понравившемся рассказе вычитал такое определение, будто создал он сам себе надсмотрщика-духа, но не творчества, а писателя. Стоит за спиной, регулирует психический процесс его существования. Где отнимает энергию спокойствия, а иногда, наоборот, паники добавляет. Туманно всё. Ещё читал, что от мозгов всё – «болезнь серого вещества». Но идеи фикс у него не было, талантами себя не наделял – болела душа, томилась. А голова лишь искала лекарство и находила его в писательском труде. Когда по клавишам щёлкал – забывался, и покой, как одеялом младенца, пеленал душу. И ещё зародился маленький червячок – вдруг его творенья нужны кому-то. «Вот это точно – от головы», – ругал себя за последние мысли Ежов. Но тут, словно подслушал его истязатель, посмеялся над ним, прислав обнадеживающий ответ из одного электронного издательства: его роман взяли в разработку, ждите, редактор с вами свяжется, наставит и посоветует, где и как исправить. И редактор связался, и всё закрутилось, в узел затянулось, отчего ему стало совсем не до рефлексии. Ждёт каждое письмо не с надеждой, а с остервенением. Вот и теперь подвесили с ответным посланием, все мысленные сроки уже проходят.

Но ответ выплыл неожиданно и в новом разрезе.

«Здравствуйте, Владимир.

Прежде всего – в списке редакторов и консультантов "Симпис" меня сейчас нет. Времени на это не хватает, а может, и энтузиазма. Но новую версию "Матрёшки" я прочел, и хотел бы уже рекомендовать...

Однако. Вначале читал с интересом – текст стал заметно динамичнее – и порой отвлекался на стилистическую правку, почему и задержка. Под конец всё же накопилось разочарование.

1. У вас проблема – не отношения Алёны с Агафоновым. Смотрите Басова (пришлось просмотреть) – гл.7, про интродукцию. У вас очень затянуто. Почитайте на сайте "Симпис" "Укороченный разбег..." – первые главы бесплатно. Не считаю шедевром, но проблема и конфликт даны сразу.

2. См. опять у Басова раздел "конфликт и проблема", 2-й абзац. Конфликт с Алёной у Агафонова в голове, а это как-то не задевает. Отсюда те дефекты текста, о которых пишет Басов.

3. Отношения Алёны с Агафоновым вообще служебные по отношению к проблеме, зачем их в конце расписывать?

4. Пожалуй, в конце меня доконали карты. Почему они? Ну, накопилась энергия – герои бы камень сами развернули или что-то масштабнее.

5. Погрешности стиля – это тормоза при чтении. См. первые 10 страниц – я убрал лишние запятые. Потом кое-где правил по тексту, полная правка – слишком долго. Обратите

внимание на подчеркивания зеленым в "Ворде" – подсказки примитивные, но стоит следовать.

ИМХО, текст не доделан. И синопсис надо яснее, пока заумно. Если пришлете в более приемлемом виде, я порекомендую одному из редакторов. Можете и сами кому-то из них отправить, список на сайте "Симпис".

Удачи, Александр».

– Похоже, тебя сливают, – безжалостно резюмировал Сёмкин. – Первое впечатление – всегда верное. Денег хотят, отсылают в агентство.

– Значит, бодяга? – почти соглашался Ежов. – Ну ничего, славно пообщались. Он меня многому научил. Попробую подискутировать напоследок.

– И то верно, за битого двух небитых дают. Дерзай! Я на твоей стороне.

«Здравствуйте, Александр.

Большое спасибо, что не бросили меня и возитесь с моим текстом. Вы оказали на меня и текст существенное и благоприятное влияние, хочется и впредь сотрудничать или хотя бы обмениваться мыслями.

Когда работа, можно сказать, над текстом закончилась, воспользуюсь наставлениями Н. Басова, чтобы слегка поспорить и объяснить с редактором (он призывает отстаивать свои взгляды, если считаешь, что прав).

[RE: 1. У вас проблема – не отношения Алёны с Агафоновым. Смотрите Басова (пришлось просмотреть) – гл.7,

про интродукцию. У вас очень затянуто. Почитайте на сайте «Симпис» «Укороченный разбег...» – первые главы бесплатно. Не считаю шедевром, но проблема и конфликт даны сразу.]

Действительно, у меня проблема не отношения Алёны с Агафоновым, возможно, в синопсисе нужно дать объяснение, да и в прологе (что я и сделал). У меня проблема – это защитный механизм молодой психики. Снятие напряжения погружением во всё тяжкое, а игра в карты на деньги, а потом и на судьбу и любовь – это сродни игромании, в которой погрязли и стар и млад в современной Руси.

И потом, интродукция... По Басову не более 10%, у меня первые две главы из двадцати семи, что уже где-то близко к норме. Но согласен, что затянуто, особенно в сравнении с вашим Эрнестом. Кстати, у него я проблему не разглядел, может, там где-то дальше в тексте, но в начале – только конфликт души и разума. Они поменялись местами, обычно душа помнит прошлые воплощения, а не разум, а здесь наоборот. И потом, при чтении у меня возникла ассоциация о сражении – это описание второй части стратегии «Rom, total War– Barbarian», там есть такие баталии, где в римской армии присутствуют катафракты. Ведь тяжёлая конница в Персидском регионе (Понт) и была создана для борьбы с «бронированной» римской пехотой, чтобы опрокидывать когорты и создавать бреши для слабой восточной пехоты. Римские полководцы не считали её нужной в своей армии. Опи-

сание по игре или по фильму – это уже ремесленничество, а где своё? Хотя всё выполнено красиво, мне завидно со своим-то...

[RE: 2. См. опять у Басова, раздел «Конфликт и проблема», 2-й абзац. Конфликт с Алёной у Агафонова в голове, а это как-то не задевает. Отсюда те дефекты текста, о которых пишет Басов.]

Цитируем Басова далее, третий абзац: «Например, конфликт может возникнуть между героем и окружением, или между хорошим героем и плохим персонажем, или между героиней и героем, который не понимает, как ему повезло, что на его голову свалилась пресловутая героиня».

[RE: 3. Отношения Алёны с Агафоновым вообще служебные по отношению к проблеме, зачем их в конце расписывать?]

Здесь я не согласен, хотя, возможно, я слишком увлёкся недосказанностью... Хотелось сделать текст не только для отдыха, но, чтобы думали и домысливали, чтобы было несколько планов, видимо, мне придётся объясниться...

Я внёс изменения, они в отдельном файле, чтобы было удобней сравнить. Во всём тексте ранее были оставлены опорные точки про отношения Алёны и Агафонова, у них любовь, но они её просто не видят, так как нет такого понятия в виртуальном пространстве. Есть виртуальная душа, секс по телефону, но нет виртуальной любви и нет виртуальной совести...

Почему так получилось? Во-первых, я так хотел, во-вторых, влияние учебников.

Это вы меня познакомили с Басовым, хотя упоминания о нём я встречал у Гетманского И.О. в его «Азбука литературного творчества, или От пробы пера до мастера слова». Гетманский И.О. – писатель фантаст, член СП России, лауреат литературных премий и конкурсов. В его «Азбуке...» приведены высказывания многих авторов классики нашей и зарубежной литературы. Есть отрывок из статьи А. Корепанова «Винегрет для начинающих», где про диалоги в тексте сказано: «...не делайте диалог источником информации – это дешёвый приём, признак провинциальной литературы...».

Я поверил. Запорол свой первый роман «Две половинки одной головы» (но там не только это, он просто первый... учился), теперь выправляю, дёргаюсь, то «Матрёшка», то «Половинки...». Так вот, есть писатель Михаил Шишкин, живёт в Цюрихе, четыре романа на русском, все с премиями, есть и Букеровская. Взял наугад его роман «Венерин волос» и прочитал. В шоке... Почти весь роман построен на диалогах, в них вся соль.

В 2005 г. за него дают премию «Национальный бестселлер», а в 2006 г. – «Большая книга». Вот и учебники, сразу вспомнилось: «Марксизм – не догма, а руководство к действию...».

Теперь вернёмся к Басову о предназначении писателя, ци-

тирую: «— Мы должны изображать мир, а не спасать его, должны развивать словесность. Решать собственные проблемы...» (стр. 8). Со всем согласен, но есть одно «но», а где же мысль? Сюда не вписывается ни Лев Толстой, ни Достоевский, разве только Чехов. Булгаков с «Мастером и Маргаритой» не квалифицируется по проблеме и конфликту, кстати, вот здесь мне и приглянулся «невысказанный» план, автор разделался с редакторами за их косность и неуступчивость. В комментах в инете про учебник Басова много разного, но с одним я согласен — это прошлый век зарубежной литературы, компиляция, опираться можно, для ремесла, а смотреть и примерять классиков, иначе запрограммируешься и если что-то выйдет, то только уровень Басова, а если на классиков, то есть вероятность быть выше Басова. С ремеслом у меня пока проблема, но прогресс есть, если сравнить с ранним в «Самиздате», считаю, главным в своём совершенствовании, оттачивая ремесло, не потерять мысль...

[RE: 4. Пожалуй, в конце меня доконали карты. Почему они? Ну, накопилась энергия — герои бы дом сами развернули или что-то масштабнее.]

Здесь всё то же: подспудный план и символизм, не хочется повторяться, да и в «Исправлениях и дополнениях» разъяснил.

Получилось длинно, но зато прямо и честно, теперь я у вас весь на виду. Бог даст — выйдет из меня толк, а не даст, на то воля божья, но иногда и ИМХО хочется выложить, чтобы

увидели, что оно есть.

Ещё раз спасибо за помощь, надеюсь, что на этом наше общение не прервётся.

С уважением, Владимир».

– Ну, это ты уже через край хватанул! – удивился Сёмкин.
– Зачем Басова взялся критиковать?

– Басов ни при чём. Он предупреждает в своей книге: это не учебник. А некоторые, вроде Ивашкина, возвели творенье Басова в догму и трамбуют по этим лекалам начинающих. Так что нужно на классиков ориентироваться, – с запалом ответил Ежов.

– Может, ты и прав. А вообще интересная у вас переписка получилась. Начали за здоровье, а кончили за упокой.

– Мы ещё не закончили. Да-а, – потянул Владимир Львович, – понимаю теперь Булгакова, самому хочется всех этих редакторов поубивать, хотя бы виртуально.

«Здравствуйте, Владимир!

1. Как ни относиться к Басову (у нас не сложилось), его книга – азбука при написании сюжетного романа. Например, про диалоги гл.8 "Искусство аргументации". Корепанов столько текстов не перелопатил.

2. У вас все больше нарушается принцип жанровой чистоты. Первая версия была рыхлой, но явно НФ. Теперь – то ли любовный роман на фоне непонятной фантастики (и тогда половину персонажей можно выкидывать), то ли НФ с проблемой особого вида параллельной реальности (а это все-та-

ки ново). Определитесь, иначе начало 4-й главы Басова про вас.

[RE: Проблема – это уход молодёжи из реальности: в киберпространство, игровой мир, да всё что угодно, вплоть до наркотиков. Это защитный механизм психики для снятия напряжений. Аркан затаскивает неокрепшее сознание в иллюзорный мир, «арканит» тех, кто ищет разгрузки, и не отпускает, меняя местами реал с «мнимым счастьем карточного выигрыша».]

Невнятно, и так же в тексте. Так особая реальность, или защитный механизм психики? Последний вариант хорошо разрабатывал Филип К. Дик, но в динамичном действии.

В обоих случаях отношения Алёны с Агафоновым слабеющие.

3. Пока у вас конфликт один, а проблема другая, и рассогласование только усилилось. Ср. у Эрнеста – конфликт души и тела, и сразу возникает проблема: что за мир такой?

[RE: Во всём тексте ранее были оставлены опорные точки про отношения Алёны и Агафонова, у них любовь, но они её просто не видят, так как нет такого понятия в виртуальном пространстве. Есть виртуальная душа, секс по телефону, но нет виртуальной любви и нет виртуальной совести...]

Любовный роман у вас вряд ли получится, в тексте задатков не вижу. Так, эпизоды...

[RE: Теперь вернёмся к Басову о предназначении писателя, цитирую: «– Мы должны изображать мир, а не спа-

сать его, должны развивать словесность. Решать собственные проблемы...» (стр. 8). Со всем согласен, но есть одно «но», а где же мысль? Сюда не вписывается ни Лев Толстой, ни Достоевский, разве только Чехов. Булгаков с «Мастером и Маргаритой» не квалифицируется по проблеме и конфликту, кстати, вот здесь мне и приглянулся «невысказанный» план, автор разделался с редакторами за их косность и неуступчивость. В комментариях в инете про учебник Басова много разного, но с одним я согласен – это прошлый век зарубежной литературы, компиляция, опираться можно, для ремесла, а смотреть и примерять классиков, иначе запрограммируешься и если что-то выйдет, то только уровень Басова, а если на классиков, то есть вероятность быть выше Басова.]

В чем проблема? Пишите внесюжетные тексты (опять Басов, гл.4), может получится "Мастер и Маргарита". Если Басовым надоел – да, это добросовестная компиляция западных профессиональных текстов. А пока новый (вряд ли особенно) "Матрёшку" читать не буду. Определитесь с проблемой, выпишите ее на листочке, перед этим – подводящий к ней конфликт, затем выстройте заново элементы романа. Не забывайте – ставки не понижаются, к картам, а повышаются... Если будете работать в этом направлении – присылайте. Иначе мне неинтересно.

[RE: Здесь всё то же, подспудный план и символизм, не хочется повторяться, да и в «исправлениях и дополнениях»

разъяснил.]

Я-то потом погляжу, но читателю важен текст.

Удачи, Александр».

Градус противостояния нарастал, как и лето набирало обороты. Конец июня, жара, в каменных джунглях духота и смог. В раскрытые окна офиса слабый ветерок, кроме легкого дуновения, заносит запах плавленого асфальта, несмотря на то что высоко – тринадцатый этаж. Кондиционер установлен только в бухгалтерии и кабинете президента, в приёмной посетители долго не задерживаются, так считает руководство.

– А кто такой этот Ивушкин? – задумчиво спросил у Ежова Сёмкин, ослабив широкий узел бордового галстука и вытирая со лба капельки пота. Как ни странно, но его серое лицо не изменилось, от теплового удара лишь слегка порозовели виски.

– Вроде как редактор, – начал излагать ответ Владимир Львович, оторвав липкую рубашку от спинки кресла, но его тут же перебили.

– Я не о том. Кто он вообще? Чем занимается? Пишет ли или просто критикует? – уже развёрнуто изложил ход своих мыслей Анатольевич, подойдя к окну и раздвигая вертикальные жалюзи с надеждой вдохнуть свежего воздуха.

– Какая разница... – вяло возразил Ежов, приподнявшись и делая попытку руками отделить влажную сорочку от плоскости спины.

– Ну, что значит какая? – хмыкнул Сёмкин, оставляя в покое шторы. – Он прямо бог: и писатель, и критик, и редактор, и знает наперёд, который текст интересен народу. «Я-то потом погляжу, но читателю важен текст», – передразнил Сёмкин письмо.

Ежов промолчал, в контрразведке он не служил и сыскные агентства не жаловал, но, уважая интригу, сайт издательства «Симпис» всё ж открыл. Ивушкин оказался писателем-фантастом, опубликовал два романа, но бумажных тиражей не имелось. По жизни – преподаватель русского языка и литературы в колледже. Ежов тут же одно его произведение скачал, многозначительно бросив любопытствующему Сёмкину: «Дома почитаю...»

На следующий день, опаздывая на работу из-за ночных чтений, Ежов в перегруженном лифте столкнулся с Инной. Двадцатитрёхлетняя девушка, всегда весёлая и задорная, как и все представители её поколения в таком возрасте, в это позднее утро казалась потерянной. Она не замечала окружающих, на приветствие Ежова не отозвалась, отгородившись стеной безмолвия. Стояла в углу лифта и взирала на попутчиков сквозь них, так люди смотрят на окружающих, находясь в прострации или глубоко погружённые в себя, что по внешним признакам неразличимо. Владимир даже съёжился от взгляда Инны, а первоначальное желание взбодрить, махая перед её лицом, быстро угасло. «Мистика прямо, – ужаснулся Ежов, – совсем как Наталья Варлей в «Вие». Во!

Леонида Куравлёва ищет!» Ироническое сравнение сгладило психологическую неловкость момента, а теснота кабинки приковала взгляд к визави. Тёмные наплывы вокруг глаз, бледность щёк, её словно окунули в соляной раствор, а хлористый натрий – известный пожиратель красного, вот он румянец с лица и слизал. Очевидно, психическое состояние девушки не позволяло ей эффективно воспользоваться навыками макияжа. Своими наблюдениями Владимир поделился с Сёмкиным.

– Ты на себя-то посмотри, в кого превратился со своим писанием, – огорошил его откровением всезнающий Анатольевич. – А у Инки проблема – сожитель прознал про её «служебные отношения».

– Откуда? – удивился Ежов.

– Да дура набитая, сама и проболталась, теперь перед ней выбор: или работу менять, или сожителя. Хотя оба варианта никудышные, без последствий не останутся.

– А что, я заметно подсел? – уточнял Владимир Львович.

– Заметно... – отчего-то пожал плечами Сёмкин. – Всю ночь читал?

– Ну, не всю, но изрядно...

– Ну и как?

– Чисто пишет, одним словом – филолог. Но мысли нет, и не всё по лекалам Басова.

– Ты что, совсем не спал?

– Почему? – удивился Ежов. – Даже сон странный запом-

нился. Будто сидит человек безликий на стопке книг, вытаскивает из-под себя одну и машет ей, словно что-то объясняя мне. Жаль, обложки не рассмотрел.

– В сонник заглядывал? – буркнул из-за монитора Сёмкин.

– Не-е, я такими вещами не пользуюсь, – не отрывая взгляда от служебного текста на экране, отозвался Ежов.

– А зря, может и на какую стоящую мысль наведёт, – возразил ему Анатольевич.

Со стороны их диалог походил на общение геймеров в игре, когда оторваться от процесса не представлялось возможным. Вставка про сон слегка колыхнула Владимира, но не более. Дежавю...

Но тут Сёмкин снизошёл до того, что прочёл вслух сонник Ванги.

– Ну и что? – спросил Ежов, когда Сёмкин смолк. – Всё обтекаемо и, в общем, никакой конкретики, как у Платона про Атлантиду, зато раздули...

– В общем, ты прав, – согласился Сёмкин. – Но мысли у тебя новые появиться должны. Пока шеф не прибыл, идём курнём...

«Здравствуйте, Александр.

Я рад, что ответили мне, огорчён, что категорично отказались читать обновлённый текст.

Вы в данном случае выступаете катализатором, я для себя не сумел бы найти столько аргументов «за» и «против», ибо

интуитивно чувствую правоту, а в таком случае аргументы не нужны.

Итак, приступим к дискуссии.

[RE: 1. Как к ни относиться к Басову (у нас не сложилось), его книга – азбука при написании сюжетного романа. Например, про диалоги гл.8 "Искусство аргументации".

Корепанов столько текстов не перелопатил.

[RE:2. У вас всё больше нарушается принцип жанровой чистоты. Первая версия была рыхлой, но явно НФ. Теперь – то ли любовный роман на фоне непонятной фантастики (и тогда половину персонажей можно выкидывать), то ли НФ с проблемой особого вида параллельной реальности (а это всё-таки ново). Определитесь, иначе начало 4-й главы Басова про вас.]

Никакого нарушения принципа жанровой чистоты нет. Это ваша точка зрения, и возникает она оттого, что вы очень сильно зациклились на Басове. А ведь это не учебник. Вы, как преподаватель, знаете, какие требования предъявляются к учебному пособию: чёткие формулировки и определения, жёсткие правила, если надо – цифры и примеры. У Басова всё размыто, кроме 10% интродукции, и оттого мы поразному подходим к одним и тем же понятиям. Хотя, если бы он захотел сделать учебник, то включил бы в него такие понятия из НЛП, как репрезентативные системы, и с помощью языковых предикатов разделил бы чистоту жанров. Но он побоялся нырять глубоко и отделался поверхностно. На

обывательском уровне это сойдёт, но вот мы с вами углубились, и пошли разногласия.

Теперь по поводу чистоты жанра.

Во-первых: жанр научной фантастики описывает технические развития общества ближайшего будущего и происходящие при этом процессы. Но текст романа наделён несколькими смысловыми пластами (уровнями). Первый – развлекательный, квестово-игровой (тот, который Вы только и видите! И под сюжет – подгоняете!!). Второй – нравственно-социальный, совесть на все времена – через сатиру на наше общество в квестах. Третий – психологическая область, сознание и подсознание. Откуда всё берётся, как перегружаются наши взгляды.

Во-вторых: любовный роман? Ну, это Джейн Эйр: ахи... вздохи... переживания... «сопли» и слёзы, бессонные ночи и частая смена настроения. Где это? Вот возьмём Лукьяненко, его «Дозоры...», там тоже, как и у меня, даже больше, есть любовь, но никому в голову не придёт назвать эти романы любовными или смешение жанров в них. Это фантастика «Жёсткого действия», как говорит сам Лукьяненко. Или вот ваше произведение (читал параллельно с Басовым), вы утверждаете, что это фантастика и триллер, но там также есть любовь и даже мистика. У Вас не библейский персонаж, хотя есть прототип и там, а из каббалы, а нам, русским, ближе «Роза мира» Даниила Андреева, там точно такой же, но это уже религиозно-духовное и мистическое учение. Но я-то

вас понял и принял, потому как читал Андреевых и отца и сына, уважаю, особенно отца.

Так что из романа никого выкидывать не нужно, там всё логично и по делу.

Разберём «параллельную реальность», кстати, – это ваш термин. Вот здесь у меня ошибка. Теперь я окончательно понял, для каких целей издательства требуют авторский синопсис. Как в народе говорят: на базаре два дурака, один – продаёт, другой – покупает. Так и наши издательства – базар. Если автор неграмотно составит синопсис или по неопытности несерьёзно отнесётся к этому делу – редакторы глубоко копать не станут. Считай, автор текст похоронил! Не умеешь составить синопсис – что тогда о тексте говорить? Вот Вы меня больше и за синопсис бьёте, правильно делаете, но страдает текст. Мне нужно было «не мудрить», не блудить терминами, а как в детском саду воспитательница: «...это хорошо, а это плохо, посмотрите, пожалуйста, налево, а теперь направо...»

И вот мы подошли к главному – к определению, что такое конфликт и проблема (Басов-то так и побоялся рискнуть). Проблема – это противоречивая ситуация, это первопричина и алгоритм системно-организационной деятельности. Проблема решается привлечением со стороны. Конфликт – в психологии отсутствие согласия между сторонами и лицами. Проблема «больше», «глобальней» конфликта. (Это не мои определения, естественно).

[RE: Определитесь с проблемой, выпишите ее на листочке, перед этим – подводящий к ней конфликт, затем выстройте заново элементы романа.]

Это, извините, телега впереди лошади. Сначала возникает проблема, а потом рождается конфликт. (Сначала территориальная проблема, потом конфликт – война, а потом уже последствия конфликта – новые проблемы.) Но проблема – это глобальная ситуация, и она одновременно возникнуть не может, а поэтому вход в её сферу не вдруг, а постепенно. У меня в романе молодёжь идёт снимать напряжение в карты, затем в киберпространство, почему, как и откуда возникает напряжение, также дано, но раз сняли, два сняли – и уже на «игле». Всё, там жить лучше, они уже с Арканом беседуют, для них он администратор, самим им не вырваться, а какие конфликты от этого возникают между ними... Тут и придумывать не нужно: переписку за любовь принимают (это в действительности) и наоборот (как у меня). Поэтому в игре друзей нет, там воюют за свой мир. Алёну и Агафонова тянет друг к другу, но они неправильно классифицируют влечение, а путает им «карты» Аркан... Кстати, здесь любовь и как индикатор выступает, увидели, значит, вылечились, недаром много ложных окончаний, пока не свёл Алёну и Агафонова в чистом реале.

[RE: Невнятно, и так же в тесте. Так особая реальность, или защитный механизм психики? Последний вариант хорошо разрабатывал Филип К.Дик, но в динамичном действии.

В обоих случаях отношения Алёны с Агафоновым служебные.]

Вот Вы весь здесь с бритвой «Оккама», целого не видите, только кусочки, а они не складываются в картину, отвечаю: и то, и другое, особая реальность у Вселенной, а у людей по Фрейдю – защитный механизм психики.

[RE: 3. Пока у вас конфликт один, а проблема другая, и рассогласование только усилилось. Ср. у Эрнеста – конфликт души и тела, и сразу возникает проблема: что за мир такой?]

Вернёмся к Эрнесту, я уже писал: конфликт души и сознания, когда душа помнит свои воплощения, а мозг нет, душа против новой реальности, а мозг всё устраивает. Что у Эрнеста? Душа и сознание заодно (ново!), сознание против новой реальности, и они не конфликтуют между собой. Здесь конфликт двух сторон: старого мира и нового. Старый мир – душа и сознание (если Вы имеете в виду само тело, то оно как бы не есть сознание, а просто одежда для сознания, он же видит, и ему не нравится). Про новый мир ничего сказать не могу, дальше не читал. Так где проблема? Здесь просто поменялись стороны конфликта, душа обрела себе союзника. Если есть здесь проблема, то только господь бог её может решить, но что-то как-то за бога решать... неэтично, что ли...

[RE: В чем проблема? Пишите внесюжетные тексты (опять Басов, гл.4), может получится "Мастер и Маргарита". Если Басовым надоел – да, это добросовестная компиляция западных профессиональных текстов. А пока новую (вряд ли

особенно) "Матрёшку" читать не буду. Определитесь с проблемой, выпишите ее на листочке, перед этим – подводящий к ней конфликт, затем выстройте заново элементы романа. Не забывайте – ставки не понижаются, к синичкам, а повышаются... Если будете работать в этом направлении - присылайте. Иначе мне неинтересно.]

«Мастер и Маргарита» – сюжетный текст, вот несюжетный текст Людмилы Улицкой «Искренне Ваш, Шурик», там просто обывательская жизнь, но истинный стиль романистики делает его читаемым и привлекательным, и за него премии дают. Потому с проблемой мне определяться не нужно, жизнь сама её преподнесла на блюдечке, не нужно её высасывать из пальца. И, как я уже говорил, не конфликт приводит к проблеме, а проблема рождает конфликты, большие и малые, если есть напряжение, достаточно чиркнуть спичкой – и взрыв, всё по цепочке: проблема – конфликт, новая проблема от конфликта – снова конфликт.

[RE: Я-то потом погляжу, но читателю важен текст.]

Александр! Но Вас же допустили до читателя, а Вы меня нет, пусть меня осудит и освищет читатель, роман-то совершенно новый, нестандартный, не клон по Басову... Дайте дорогу новому, пусть читатель и критики осудят, вам достаточно сказать: «... в качестве эксперимента...»

[RE: Удачи, Александр.]

Спасибо, вот удачи мне действительно не хватает. А вообще, у нас с Вами просто разные системы взглядов, вы при-

держиваетесь редуccionизма, а мне ближе холизм, у вас части, а у меня целое.

А вообще, мы с Вами новый роман написали – в письмах. С уважением, Владимир».

По окончании рабочего дня сухое пили вскладчину.

– Ты, понимаешь, что рубишь сук, на который только молиться начал? – спрашивал Ежова Сёмкин, разливая остатки вина по фужерам. Золотистым отливом играл хрусталь, словно призывая: не спешите пить – полюбуйтесь красотой, порадуйте глаз.

– Понимаю, – отвечал Владимир Львович, крутя за ножку фужер, – но поделаться ничего с собой не могу, – и неожиданно скаламбурил: – не люблю ссученных.

– Может, тебе в церковь сходить? – поменял разговорный вектор Сёмкин, сделав вид, что не расслышал окончание фразы.

– Думал и об этом, и ходил, – сделал небольшой глоток Ежов. – Там всё не так просто, у них теперь, как в шоу-бизнесе, свои прибаамбасы.

– В смысле? – уточнял Сёмкин.

– Ну, профессионалом нужно быть, чтобы молиться по правилам, – пояснил Ежов. – Вот и молюсь я больше дома, как любитель.

– Ну да, пост соблюдать, завести духовника, исповедоваться и так далее, – продолжил его мысль Анатольевич.

– И не думаю, что это всё мне помогло, даже наоборот.

– Но это ты хватанул...

– Я не о том, просто вдруг тот, кому буду исповедоваться, скажет: «Крест твой, терпи!», – перебил Сёмкина Ежов, но тут же смолк, делая неспешные глотки из фужера. – Сейчас хоть какая-то надежда есть – вдруг само пройдёт. Помучает меня, потреплет по редакциям и отпустит с миром.

– Я так понимаю, – придвинулся ближе к нему Сёмкин, – что если тебя признают и гонорар выплатят, то ты и работу бросишь, совсем с головой уйдёшь в творчество.

– Правильно понимаешь, – признался Владимир Львович.

– А вот я, глядя на тебя, совсем по-другому мыслить стал. Теперь точно никогда бумаги марасть не буду, стану профессиональным читателем.

– Знакомый термин, встречал в интернете, – кивнул Ежов, допивая вино и ставя фужер на полированную поверхность рядом с клавиатурой.

Сёмкин одним глотком осушил свой фужер, но ставить не стал, произнеся: «Пошли сполоснём, а то совсем из женатых в холостяков превращаемся – посуду моем только перед едой».

Здесь возражать Ежов не стал и послушно двинулся за коллегой.

«Здравствуйте, Владимир».

[RE: Никакого нарушения принципа жанровой чистоты нет. Это ваша точка зрения, и возникает она оттого, что вы очень сильно зациклились на Басове. А ведь это не учебник.

Вы, как преподаватель, знаете, какие требования предъявляются к учебному пособию: чёткие формулировки и определения, жёсткие правила, если надо – цифры и примеры. У Басова всё размыто, кроме 10% интродукции, и оттого мы по-разному подходим к одним и тем же понятиям. Хотя, если бы он захотел сделать учебник, то включил бы в него такие понятия из НЛП, как репрезентативные системы, и с помощью языковых предикатов разделил бы чистоту жанров. Но он побоялся нырять глубоко и отделался поверхностно. На обывательском уровне это сойдёт, но вот мы с вами углубились, и пошли разногласия.]

Да, сюжетный роман примитивен по построению. Главное, как наполнить схему: персонажи, повороты сюжета, стиль. В этом отличие мастера (скажем, Сименона) от бригады Поляковой.

[RE: Теперь по поводу чистоты жанра.

Во-первых: жанр научной фантастики описывает технические развития общества ближайшего будущего и происходящие при этом процессы. Но текст романа наделён несколькими смысловыми пластами (уровнями). Первый – развлекательный, квестово-игровой (тот, который Вы только и видите! И под сюжет – подгоняете!!). Второй – нравственно-социальный, совесть на все времена – через сатиру на наше общество в квестах. Третий – психологическая область, сознание и подсознание. Откуда всё берётся, как перегружаются наши взгляды.]

Читателю без разницы, сколько слоёв, было бы читабельно, а вот тут и надо подробнее...

[RE: Во-вторых: любовный роман?! Ну, это Джейн Эйр: ахи...вздохи... переживания... «сопли» и слёзы, бессонные ночи и частая смена настроения. Где это? Вот возьмём Лукьяненко, его «Дозоры...», там тоже, как и у меня, даже больше, есть любовь, но никому в голову не придёт назвать эти романы любовными или смешение жанров в них. Это фантастика «Жёсткого действия», как говорит сам Лукьяненко. Или вот ваше произведение (читал параллельно с Басовым), вы утверждаете, что это фантастика и триллер, но там также есть любовь и даже мистика. У Вас не библейский персонаж, хотя есть прототип и там, а из каббалы, а нам, русским, ближе «Роза мира» Даниила Андреева, там точно такой же, но это уже религиозно-духовное и мистическое учение. Но я-то вас понял и принял, потому как читал Андреевых и отца и сына, уважаю, особенно отца.]

Не занимает у Лукьяненко любовная линия много места. Я сам треть выбросил, а может, и мало. Заканчивать надо решением проблемы (хотя бы частичным, если продолжение следует), а не конфликтом героя и героини.

[RE: Разберём «параллельную реальность», кстати – это ваш термин. Вот здесь у меня ошибка. Теперь я окончательно понял – для каких целей издательства требуют авторский синопсис. Как в народе говорят: на базаре два дурака, один – продаёт, другой – покупают. Так и наши издательства

– базар. Если автор неграмотно составит синопсис или по неопытности несерьёзно отнесётся к этому делу – редакторы глубоко копать не станут. Считай, автор текст похоронил! Не умеешь составить синопсис – что тогда о тексте говорить? Вот Вы меня больше и за синопсис бьёте, правильно делаете, но страдает – текст. Мне нужно было «не мудрить», не блудить терминами, а как в детском саду воспитательница: «... это хорошо, а это плохо, посмотрите, пожалуйста, налево, а теперь направо...»]

Володя, это реальные жизненные проблемы, но в сюжетном романе проблема должна быть не размыта, как в жизни, а дана проще – так сказать, репрезентативная выборка (использую ваш термин).

[RE: И вот мы подошли к главному: к определению, что такое конфликт и проблема (Басов-то так и побоялся рискнуть). Проблема – это противоречивая ситуация, это первопричина и алгоритм системно-организационной деятельности. Проблема решается привлечением со стороны. Конфликт – в психологии отсутствие согласия между сторонами и лицами. Проблема «больше», «глобальной» конфликта. (Это не мои определения естественно).]

Ну, всё так...

[RE: Определитесь с проблемой, выпишите ее на листочке, перед этим – подводящий к ней конфликт, затем выстройте заново элементы романа.

Это, извините, телега впереди лошади. Сначала возника-

ет проблема, а потом рождается конфликт. (Сначала территориальная проблема, потом конфликт – война, а потом уже последствия конфликта – новые проблемы). Но проблема – это глобальная ситуация, и она одновременно возникнуть не может, а поэтому вход в её сферу, не вдруг, а постепенно.]

Речь идет не о реальности, а об ее упрощенном аналоге – романе. Даже в "Мастере и Маргарите" вначале конфликт, хотя текст на грани сюжетного и внесюжетного романа.

[RE: У меня в романе молодёжь идёт снимать напряжение в карты, затем в киберпространство, почему, как и откуда возникает напряжение, также дано, но раз сняли, два сняли и уже на «игле». Всё, там жить лучше, они уже с Арканом беседуют, для них он администратор, самим им не вырваться, а какие конфликты от этого возникают между ними... Тут и придумывать не нужно: переписку за любовь принимают (это в действительности), и наоборот (как у меня). Поэтому в игре друзей нет, там воюют за свой мир. Алёну и Агафонова тянет друг к другу, но они неправильно классифицируют влечение, а путает им «карты» Аркан... Кстати, здесь любовь и как индикатор выступает, увидели, значит, вылечились, недаром много ложных окончаний, пока не свёл Алёну и Агафонова в чистом реале.]

Да, это проблема. Только в вашем тексте она неочевидна. Повторюсь, Ф.К.Дик мастер таких психологических построений. Только ваш текст другой. Матрёшка тогда при чём? Это же в название вынесено.

[RE: Вот вы весь здесь с бритвой «Оккама», целого не видите, только кусочки, а они не складываются в картину, отвечаю: и то, и другое, особая реальность у Вселенной, а у людей по Фрейду – защитный механизм психики.]

Из "бритвы Оккама почти вся европейская философия, да и сюжетный роман вырос. Можно и по-другому. Только читать мало будут. Хотя... Коэльо ведь читают.

[RE: Вернёмся к Эрнесту, я уже писал: конфликт души и сознания, когда душа помнит свои воплощения, а мозг нет, душа против новой реальности, а мозг всё устраивает. Что у Эрнеста? Душа и сознание заодно (ново!), сознание против новой реальности, и они не конфликтуют между собой. Здесь конфликт двух сторон: старого мира и нового. Старый мир – душа и сознание (если вы имеете в виду само тело, то оно как бы не есть сознание, а просто одежда для сознания, он же видит, и ему не нравится). Про новый мир ничего сказать не могу, дальше не читал. Так где проблема? Здесь просто поменялись стороны конфликта, душа обрела себе союзника. Если есть здесь проблема, то только господь бог её может решить, но что-то как-то за бога решать... неэтично, что ли...]

У Эрнеста ничего особо нового, вариация на тему Ф. Фармера. Вы усложняете, конфликт у него гораздо проще. И проблема простая: что за мир, и что с ним делать? Сюжетный роман по определению примитивен, главное – наполнение.

[RE: Мастер и Маргарита» – сюжетный текст.]

Не соглашусь, это игра на грани, только для мастера.

[RE: Вот внесюжетный текст Людмилы Улицкой «Искренне Ваш, Шурик», там просто обывательская жизнь, но истинный стиль романистики делает его читаемым и привлекательным, и за него премии дают. Потому с проблемой мне определяться не нужно, жизнь сама её преподнесла на блюдечке, не нужно её высасывать из пальца. И, как я уже говорил, не конфликт приводит к проблеме, а проблема рождает конфликты, большие и малые, если есть напряжение, достаточно чиркнуть спичкой – и взрыв, всё по цепочке: проблема – конфликт, новая проблема от конфликта, – снова конфликт.]

В жизни так, но почему-то читают романы, где начинается с конфликта. Ту же Полякову или Устинову...

[RE: Александр, но вас же допустили до читателя, а вы меня нет, пусть меня осудит и освищет читатель, роман-то совершенно новый, нестандартный, не клон по Басову... Дайте дорогу новому, пусть читатель и критики осудят, вам достаточно сказать: «... в качестве эксперимента...»]

Володя, в "Симпис" (я себя с ними уже не очень связываю) требования не ниже "бумажных" издательств. Я вас подталкиваю к сюжетному варианту потому, что он гораздо проще. Если считаете, что последний текст "Матрёшки" хорош, я прочту и буду рекомендовать нынешним редакторам. Или не буду. Но больше читать не стану. Для справки, кого считаю мастерами внесюжетного текста: Голдинг, Бах, Дюрренматт,

Коэлю, Мураками, да хватит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.